

**ՀՀ ԿԳՆ Կրթության
ազգային ինստիտուտ**

**Հասցե՝ Տիգրան Մեծի 67: Հեռ՝ 572 100:
Էլ կայք՝ www.aniedu.am**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

2019

2 (111)

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Ереван - 2019

Главный редактор – А. М. Амирханян

Ответственный секретарь – А. А. Мирзатунян

Ответственный за номер – И. Р. Саркисян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Председатель общ-ва „Армения-Россия”, д.ф.н., профессор М.Д. Амирханян Вице-президент АПСН С.К. Бондырева (РФ) Председатель Ассоциации "Педагогическая инициатива" А.С. Испирян Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н, профессор Р.К. Мирзаханян Академик АПСН М.А. Мкртчян	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А.В. Акопян (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) М.М. Геворкян (АГПУ им. Х.Абовяна) И.Б. Геворкян (ОШ №131 им. П.Яворова) С.И. Кормилов (МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ) А.Б. Кузьминская (ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян („АЙБ” ОЦ) И.А. Орехова (Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, РФ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) С.Б. Самуэлян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (АГПУ им.Х.Абовяна) Е.Ю. Третьякова (Институт Наследия, РФ) А.Я. Хачикян (ЕГУЯСН им. В. Я. Брюсова) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ)
---	---

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 1500: Ծավալը՝ 5,4 տպ. մամուլ:
Հանձնված է տպագրության՝ 28. 12. 2017 թ.
ՎԱՃԱՌՔԻ ԵՆԹԱԿ ՉԷ:

Издатель ЗАО „Национальный институт образования” РА.

Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.

www/http: aniedu.am

E-mail: info@aniedu.am

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Ответственный за издание журнала **А. Амирханян**

Формат 70X100 1/16. Объем 86 стр. Тираж 1500

Сдано в печать

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն անսագրին պարտադիր է:

Դպրոցների անվճար տրվում է մեկ օրինակ, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ АРМЕНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЧАСТЬ II

А.Б. АБГАРЯН
ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова

Изучение тысячелетних армяно-русских взаимоотношений до настоящего времени продолжает желать лучшего. Более лакунарный характер носит исследование языковых связей, ограничивающееся древним и новейшим периодами. За пределами внимания лингвистов остался период XVIII- XX вв., многочисленные письменные источники которого сохранили информацию об армянских проникновениях в русский язык. Среди них следует назвать и *пшат*, которое также не нашло отражения в словарях русского языка XIX-XXI вв.

Ключевые слова: *источниковедение, армяно-русские языковые связи, заимствования, арменизмы, пшат.*

Лингвисты не уделили должного внимания тому факту, что неоднократно упомянутое в русских описаниях Армении и кавказской флоры XIX-XXI вв. армянское по происхождению слово *пшат* {1} «своеобразное южное дерево или кустарник семейства лоховых (*Eleagnus angustifolius*) с серебристой листвой, с приятным запахом и сладкими съедобными мучнистыми плодами» не включено в основную часть «Национального корпуса русского языка» [17], хотя там же приводится подтверждаемый лишь двумя примерами омонимичный *пшат* в узкоспециальном значении «первый, поверхностный уровень понимания Торы в еврейской традиции». Только в параллельном корпусе этой информационно-справочной системы на бытование растения *пшат* в русском языке указывает единственный пример из исторического романа «Раны Армении» армянского писателя, этнографа и педагога Х.Абовяна (1809-1848). Произведение это неоднократно издавалось в русском переводе С.В. Шервинского (1948, 1955, 1971) и включено в список источников упомянутого корпуса. К слову, число омонимов можно пополнить гидронимом *ПШАТ* (Черноморское побережье), зарегистрированным со времен описания “Поездки в Черкесию” французского моряка Т. де Мариньи /1819/, и аббревиатурой *ПШАТ*, декодируемой как “петербургская школа анализа текста”.

Такая ущербность в представленности рассматриваемого деревца не может не вызывать удивления. Насчитывающее 60-70 разнообразных видов, растение поражает и многообразием своих экзотических именовании. Среди них более известны тюрк. *джиддэ, джигда, джида-джидда, дженгердук, джигердак, ида, игда, ийде*, перс. *сандшид, синдишид* и грузин.

пиати из армян. *пиат*. Встречаются и другие ботанические названия – *оливное дерево*, *серебряное дерево*, *мучной или северный финик*, *дикая маслина* (Крым), *армянские* (или *кавказские*, *бухарские*, *туркменские*) финики и пр., - что могло бы представить интерес для отдельного освещения.

В русских памятниках раннее упоминание этого ботанического вида по предварительным данным датируется лишь 1783 годом. В посвященном императрице Екатерине Второй переводном «Ботаническом подробном словаре, или Травнике» А.К. Мейера (1742-1807) деревце соотнесено с греч. *Calafidos*, англ., франц., итал. *Calaf* и видимо на базе исключительно кабинетно-библиотечных разысканий ошибочно пояснено: «Калафъ. Лох дерево есть род иностранной ивы, которая растет в Египте, в Персии, а также здесь, особенно узколистная, около Терека в Астраханской степи» [16 - П: 16]. Не по этой ли причине в своем описании автор подробно останавливается лишь на лечебных свойствах цветков лоха и ни словом не обмолвился об издавна известной полезности его плодов. Очевидно, этой путанице способствовало и созвучие *Calaf* с франц. *Le Chalef* (немец. *Der Oleaster*, англ. *Oleaster*, *Wild Olive*). Через три года в «Каталоге растениям по алфавиту собранным из четырех частей света», принадлежащем перу П.А. Демидова (1710-1786) (сыну известного уральского горнозаводчика) без упоминания русского соответствия название транслитерировано как *элеагнус ориенталис* из латинского *Eleagnus orientalis*. В том же году *лох дерево* отнесено в разряд малорослого леса в “Уставе о лесах средней полосы” /1786/, утвержденном императрицей [20-22: 565], а также в переводе Василием Зуевым “Описания растений Российского государства с их изображениями...”, изд. П.С. Палласом” [19]. Спустя некоторое время «Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках» одного из русских основоположников акушерства, ботаники и фитотерапии Нестора Максимовича Амбодик-Максимовича (1744-1812) вместе с *лох* выводит и нерусскую лексему *джигда* [1: 148]. Почти одновременно с ботаническими словарями с такой же ошибочной отсылкой к *Агновым ветвям* в смысле «Иерусалимская верба» (т.е. к растению, нам более известному под названием *палестинская* или *плакучая ива*) формы *лох*, *лоховый* с ударением на втором слоге нашли отражение в обоих изданиях «Словаря Академии Российской» (1789-1795; 1806-1822) [см., например, 22 - 3: 1321]. Те же словарные статьи почти дословно были повторены в «Словаре церковнославянского и русскаго языка» (1847) [II: 265]. Кстати, со временем такое произношение прилагательного претерпело сдвиг в ударении: в словаре В.В. Даля оно представлено в виде *лоховой* с последним ударным гласным, а современной нормой произношения признается уже *лѡховый*.

Приведенные датировки хронологически относительны и не могут претендовать на окончательность, несмотря на свою временную кучность. Нет сомнений, что фиксация в письменном памятнике, являясь объективным показателем употребления слова, вместе с тем не позволяет категорично считать ее годом вхождения в язык. По стечению обстоятельств она могла и не найти отражения в

существующих и не отличающихся особой графоманией оригинальных источников, либо мог и не сохраниться или пока не обнаружен памятник, отражающий более старшую дату. Потому справедливо указание И.Г. Добродомова, "что с помощью письменных памятников устанавливается не время проникновения слов в язык, а всего лишь относительно точная дата заимствования его из устной речи в письменные памятники" [8: 24]. И отражение исследуемого названия в указанном старшем толковом словаре можно включить в число косвенных доказательств сравнительно ранней ее известности в устном употреблении, ибо словарь, как правило, регистрирует слово, уже достаточно адаптировавшееся в системе языка.

Спустя 10 лет после второго издания «Словаря Академии Российской» в русских описаниях Кавказа и Закавказского края уже встречаются упоминания и армянского *пшата*. Раннюю его фиксацию можно обнаружить в «Статистическом описании Нахичеванской провинции» близкого к декабристским кругам В.Н. Григорьева (1833). Здесь автор при описании провинции, в те времена входившей в составе Армянской области, среди фруктовых деревьев отметил «персики, сливы, груши, айва, яблоки, черешни, туты и пшат, издающий сильный и приятный запах (фрукты сего дерева наружным видом похожи на финики с мучнистым нутром)», из которых только *пшат* и *черешня* освобождены от подати [7: 20, ср. 197, 205]. Годом позже русский беллетрист, стихотворец и автор военно-исторических сочинений П.П. Зубов (ок. 1796 – после 1857) в своем четырехтомном описании «Картины Кавказского края, принадлежащего России» (1834-1835), содержащем самые разнообразные данные по истории, экономике, географии, природе, быту, нравам, религиозных обрядах и языке кавказских народов, в числе растений всего Кавказского края различает и *узколистный лох*, и *пшат* [12 - I: 191]. А в третьей части этого сочинения (1835) бытописатель указал на широкую распространенность слова, подчеркнув, что среди фруктовых деревьев Дагестана заслуживает особого внимания «восточный лох (*eleagnus orientalis*) или, как называют жители, *пшат*, коего плоды, мучнистые и вкусные, весьма похожи видом и цветом на финики» [12 - III: 231]. Тем не менее, путаница в именовании растения продолжала бытовать в русском языке: в том же году в своем «Статистическом описании Закавказского края» Орест Евецкий (1835) этот род мучнистых фиников почему-то спутал с *унаби* [9: 21] – с растением, хотя и сходным с лохом, но более известным под названием *зизифус настоящий*, *жужуб*, *китайский финик* и др.

Благодаря преобладающей роли армянской торговли на протяжении XIX-начала XX вв. плоды *пшата* как товар были известны среди русскоязычного населения Кавказа. Распространению армянского названия на Кавказе способствовали и представления о пшате, как о необыкновенно счастливом растении, ягоды которого в качестве символа плодovitости и жизненной силы служили новогодним ритуальным угощением, а ветки благодаря колючкам и сильному запаху цветков – оберегами людей от злых духов. Поэтому с учетом ареала Армянского нагорья требуют дополнитель-

ного изучения существующие предположения, что голубь в клюве мог доставить Ною именно ветвь пшата, которую библейские авторы переименовали в более известную для них оливу.

Со второй половины XIX века арменизм в русских источниках упоминается значительно чаще. В 1856 г. лексему *пиат* упомянул в своих «Очерках Тифлиса и его окрестностей» дед известного поэта А.А. Блока, «отец русской ботаники» А.Н. Бекетов, основываясь на свои записи времен преподавания в тифлисской гимназии в 1849-1855 гг. [3]. В 1857 году варваризмы *пиат* и татар. *игда* были названы в русском переводе описаний путешествия по Закавказскому краю, предпринятого в апреле-октябре 1843 г. бароном и прусским чиновником А. фон Гакстгаузенем (1792-1866) [4: 194]. Примечательно, что во время странствия по Армянской области его гостеприимным переводчиком и источником сведений о местном укладе жизни и народных преданиях был сам Х.Абовян. С 70-х годов Кавказский отдел Императорского русского общества акклиматизации в целях продажи уже селекционировал саженцы *пиата* (лоха) {2}, о чем ежегодно извещались читатели «Кавказского календаря» [«Кавказский календарь 1873»; ср. «Кавказский календарь 1900»]. То же наименование *пиат* без пояснений приводится и в очерках о жизни и природе крохотного армянского поселения в окрестностях Артвина возле города Ардануч, представленных в «Любопытных уголках Кавказа. Батумский округ. Сванетия» И.Каневским (1886) [13: 98].

Очевидно уже в это время лексема *пиат* была более известна среди русских, чем *джигда*, *игда*, и уже не требовала описательного толкования. Не случайно, записанную у кавказских татар загадку «рост маленький, одежда шелковая» С.Зелинский поясняет не татарским соответствием, а формой *пиаты* «плод кустарника того же названия» [10 - 2: 120]. В 1888 году армянское название плода и дерева упомянуто в составленной неким старожилом справочной книге «Кавказ» (1888). Этой известности могло способствовать и то обстоятельство, что в русских источниках указан обычай использования пшата в качестве грудничкового питания наряду с материнским молоком [11 - 2:14]. *Пиат* не обошла вниманием и военная литература. В военно-статистическом отчете о Закавказьи (1896) полковника В.Я. Лисовского отмечается провиантская значимость плодов растения: в садах Эриванской равнины «много также пшата, мелкий плод которого мучнист, сладок и имеет некоторую приятную кислоту» [15: 171, 164]. Наконец, в сочинении Н.Н. Шаврова (1911) о необходимости восстановления древней оросительной системы Мугани можно встретить ускользнувшую от внимания редактора опечатку *пиата* в женском роде [25: 41].

С XX века растение *пиат* стало достоянием и русского поэтического творчества. Значительный вклад в эту поэтизацию внесла армянская поэтесса М.Е. Маркарян, стихотворение которой под названием «В саду» в 1954 году было переведено знаменитой А.Ахматовой:

«Калитку в милый сад,
Где клён, и дуб, и ясень,

Гуляя наугад,
 Уж распахнула осень.
 Там пшат прекрасный мой -
 Серебряное диво -
 И тополь золотой
 В наряде горделивом.... »

Другой переводчицей армянской поэтессы М.Петровых *пшат-дерево* упомянуто в стихах «И серебролистый пшат», «Что видела я...» и др. Кстати, в ее же переводах можно обнаружить и окказиональное проникновение в русский язык названия *пшатени*, выведенного в заглавие сборника (1954):

Пшатени — армянская олива
 Вся в янтарных маленьких плодах,
 Листья серебристого отлива
 Плещут у дороги и в садах.
 Никакой язык не в состоянии
 Самым точным словом передать
 Милое твоё очарованье,
 Щедрое горячее дыханье,
 Серебристой тени благодать.

Поэтический образ деревца встречается и в стихотворении «Шум городов мне чужд и сердце гложет» С.Капутикян, переведенном А.Сагратяном:

...И пшатового дерева с отливом
 Намного серебристей серебра,
 Люблю село, где в воздухе лениво
 Порхает голубь сизого пера.

Под впечатлением от посещений Армении *пшат* в виде поэтического экзотизма можно встретить и в творчестве Веры Звягинцевой:

Пшат цветет. Над ручьями, над кровлями — пшат.
 Кружат голову ветры весенние.
 Тот, кто видел весной Аштарак, Аргашат, —
 Никогда не забудет Армении.
 Пшат цветёт, льётся жизни струя через край,
 Дышит полдень уверенной силой.
 Здесь, — на этой земле, — человеческий рай, —
 Упоительный, трудный и милый.

В настоящее время в творчестве русскоязычных мастеров слова дерево признано поэтическим атрибутом армянской реальности: см., например, *пшат* и *пшати цар* в стихах «На армянской земле», ««Тихой любовью, невыносимой» из сборников «Армения во сне и наяву» и «Лики Армении» Е.В. Широковой-Тамбовцевой (2008-2011). *Серебряный пшат* вывел в своем сборнике стихотворений и воспоминаний (Томск, 1997) и ранее упоминавшийся переводчик С.В. Шервинский:

Над уступом скалы, на белёсом пути к Канакеру
 За камнями ограды – ручьём перерезанный сад,

Где чинар сановитый, где персики сладки не в меру

Где топорчатся смоквы и мреет серебряный пшат. («Кондитер»)

Не избежала упоминаний и проза. *Пшат* встречается в «Последнем пристанище» А.А. Авакяна (1919-1983), переведенном Эммой Канановой, в русском переводе повести «Приключения сеньора Мартироса» Агаси Айвазяна и мн. др. Употребление *пшата* можно также встретить в русскоязычной научной литературе и публицистике: слово обнаруживается в воспоминаниях «Моя миссия в Армении» первого посла России В.П.Ступишина (2001), статье «Неужели это было?» А.Саркисяна (2008) [21] и пр. А в книге «Духовные сокровища Арцаха» Кима Бахши /2012/ повествованию о пшате посвящена целая глава.

Несмотря на свою распространенность в русских оригинальных и переводных произведениях XIX-XXI веков {3}, лексикографы по-разному отнеслись ко включению этой лексемы в словари. Арменизм не нашел отражения в словаре В.В. Даля, в современном «Словаре русских народных говоров» (1965-2010). В качестве историзма слово отсутствует и в толковых словарях русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1937), А.П. Евгеньевой (1981-1984), а также в притязавшем на академичность «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (2000). По непонятной причине *пшат* не включен ни в один орфографический словарь русского языка (см. хотя бы претендующий на полноту «Русский орфографический словарь: около 180 000 слов» РАН под ред. В.В. Лопатина. 2-е изд., 2004). Тем не менее, первые отражения лексемы можно обнаружить уже в энциклопедических словарях с конца XIX века. Ранее *пшат* можно найти в «Ботаническом словаре» Н.Анненкова (1878) [2: 131] и «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза И.А. Ефрона (т. 50, 1898). Начиная с середины прошлого столетия вокабулы *пшат* и *пшатовый* приведены в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1948-1965), в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка (1980), в двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова (1985; 2-е изд. 1990), в толково-словообразовательном «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000). Такой же разницей можно обнаружить в двуязычных переводных словарях. Если в раннем, более объемном четырехтомном «Русско-армянском словаре» (Ереван, 1957) слово не было включено в число вокабул, то уже в «Русско-армянском словаре» С.С. Гарибяна приводятся и *пшат*, и *пшатовый* [6: 969], а в «Армяно-русском словаре» под ред. Е.Г. Галстян армянские лексемы *փշատ, փշատակի* [*phshat, phshateni*] наряду со словом *лох* обоснованно пояснены родственным *пшат* [5: 692].

В целом можно заметить, что арменизмы *пшат* и *пшатовый* незаслуженно исключены из словника Национального корпуса русского языка и тезаурусов и заслуживают включения в словари русского языка.

Примечания:

1. По свидетельству Р.Ачаряна, в диалектах армянского языка, на фоне преобладающего сохранения внутренней формы «колючий» встречается и этимологизация типа փշրատ , փշրատ [phshrat, phshrat] «рассыпчатый» по ассоциации с мучнистостью плодов.

2. Очевидно, что наследниками тех селекционных работ в наши дни являются ценные садовые сорта *гондол-пшиат* и *хурма-пшиат* (финиковый) и менее ценные – *матна-пшиат*, *пампал-пшиат* и *гилас-пшиат*, *кишмиш-пшиат* и пр. К слову, этот же корень можно встретить и в торговом названии лекарства *пшиаттин* – концентрат дубильных и коллоидных веществ из плодов пшата по методу С.А. Мирзояна, применяемый в современной медицине в качестве противовоспалительного вяжущего средства.

3. Такая частотность упоминаний не может не вызвать сомнений в достоверности статистических данных «Большого словаря-справочника синонимов русского языка системы ASIS» В.Н. Тришина [<http://www.trishin.ru>], где на слово *пшиат* якобы приходится один случай упоминания (в расчете на приблизительно 300 млн. слов). Впрочем, сама градация от доминантного русск. *лох*, *лоховник*, *лоховина* (1459 употреблений), через *джидда* (332 раза) к лексеме *пшиат* вполне реальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбодик-Максимович Н.М.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. - СПб., 1795-1804; 2 изд. – СПб., 1808
2. *Анненков Н.* Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Изд. нов., исправл., доп. - СПб., 1878.
3. *Бекетов А.Н.* Воспоминания о преподавании в тифлисской гимназии в 1849-1855 гг. -www.nasledie-rus.ru/podshivka/7508.
4. *Гакстгаузен Август фон.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Ч. 1-2. - СПб., 1857.
5. *Галстян Е.Г.* Армяно-русский словарь. - Ереван, 1987.
6. *Гарибян С.С.* Русско-армянский словарь. - III-е изд.- Ереван, 1982.
7. *Григорьев В.Н.* Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Г. - СПб., 1833.
8. *Добродомов И.Г.* Вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках // Советская тюркология. Баку, 1976, № 6.
9. *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края в двух частях. - СПб, 1835. Ч. 1-2.
10. *Зелинский С.* Татарские пословицы, загадки и имена женщин // СМОМПК_1881_01 с. 57, ч. II лоха (пшаты) стр.120 // СМОМПК 1881, ч. II.
11. *Зелинский С.* Этнографические очерки из быта армян-переселенцев из Персии, живущих в Нахичеванском уезде Эриванской губернии //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 2
12. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель. - СПб., 1834-1835. Ч. I-IV.
13. *Каневский И.* Любопытные уголки Кавказа. Батумский округ. - Тифлис, 1886-1898.
14. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. М., 2000.
15. *Лисовский В.Я.* Закавказье. Ч. 1 // Записки Кавказского отдела ИРГО, 1896, кн. 20.
16. *Мейер А.К.* «Ботанический подробный словарь, или травник». - М., 1781-1783. Часть I-II.

17. Национальный корпус русского языка. // www.ruscorpora.ru
18. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографском и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. I-IV
19. Описания растений Российского государства с их изображениями,.. изд. П.С. Палласом. - [СПб., 1786, ч. 1].
20. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, Т. 22, с. 565
21. Саркисян А. Неужели это было? // www.laodicea.ru/content
22. Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794, ч. 1-6. – изд. II.-1806-1822
23. Словарь церковно-славянского и русского языка. - СПб., 1847. Т. I-IV.
24. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Ушакова Д. Н. - М., 1935-1940.
25. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. - СПб., 1911
26. Saint-Martin Antoine Jean de. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. - Paris, 1819.- Т. 2.

ՀԱՅՎԱԿԱՆ ԲԱՌԵՐԻ ՌՈՒՄԱՑ ԼԵՋՈՒ ՆԵՐԹԱՓԱՆՑՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ. ՄԱՍ II

**Ա.Բ. Աբգարյան
ԵՊԼՀ**

Հայ-ռուսական հազարամյա հարաբերությունների ուսումնասիրությունը մինչ օրըս գտնվում է ոչ բավարար վիճակում: Ավելի բացթողումներով է լի լեզվական կապերի հետազոտությունը, սահմանափակված լինելով միայն հնագույն և նորագույն ժամանակաշրջաններով: Լեզվաբանների ուշադրությունից դուրս է մնացել 18-20-րդ դարերի բազմաթիվ ռուսական գրավոր աղբյուրներ, որոնք պարունակում են փոխառություններ հայերենից: Դա է նաև *փշատ* բառը, որը տեղ չի գտել 19-21-րդ դարերի ռուսաց լեզվի բառարաններում:

Առանցքային բառեր. *աղբյուրաբանություն, հայ-ռուսական լեզվական կապեր, փոխառություններ հայերենից:*

FROM THE HISTORY OF SOME ARMENISCUS IN THE RUSSIAN LANGUAGE. PART II

**A.B. ABGARYAN
YSULS**

By now, the study of multi-thousand-year-old Armenian and Russian relationships has left much to be desired. The research of linguistic affinity, limited by the ancient and recent periods, is somewhat of lacuna nature. Beyond the linguists' consideration has been left the period between the XVIII and XIX centuries, the multiple written records of which have preserved the information on penetration of Armenian into Russian. Of them *phshat* is worth mentioning, which has been neglected in the Dictionary of the Russian language of the XIX-XXI century.

Key words: *the history of original sources, Armenian-Russians linguistic, connections, loan-words, Armenisms.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 14 мая 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

О ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ТЕРМИН»

М.Ю. ОГАНЕСЯН
ЕГУ

В современной терминологии нет единого однозначного определения понятия «термин». В статье рассматриваются разные определения сущности «термина». Обобщив имеющиеся в теоретической литературе данные о понятии «термин», нами была сделана попытка дать свое определение этому понятию. В современной терминологии постепенно меняются отношения и требования к терминам. В силу этого процесс усвоения терминов в рамках овладения языком профессии может быть значительно затруднен.

Ключевые слова: *термин, определение понятия "термин", словарь, дефиниция, терминосистема, терминология.*

Несмотря на многолетние исследования и множество работ по терминологии, само понятие "термин" не имеет однозначного определения. Обратимся к определению этого термина в словарях различных наук, таких как: **Философский энциклопедический словарь** (Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко, 2009), **Логический словарь** (А.А. Ивин, А.Л. Никифоров, 1997), **Краткий словарь мифологии и древностей** (М.Корш, 1894) **Словарь исторических терминов** (А.П. Крюковских, 1998), **Справочный коммерческий словарь** (Под редакцией проф. Н.Г. Филимонова, 1926), **Социологический словарь** (Энциклопедия: сост. А.А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко), **Большой экономический словарь** (А.Н. Азрилиян, 1997) и **Словарь лингвистических терминов** (Т.В. Жеребило, 2010).

Сравним определения слова *термин* в этих словарях:

- ✓ *понятие*
- ✓ *слово или словосочетание естественного языка, обозначающее предмет (реальный или абстрактный)*
- ✓ *божество*
- ✓ *граница, предел – слово или сочетание слов, употребляемое с оттенком специфического научного значения*
- ✓ *особое название понятия, принятое для выражения какого-либо понятия или срок, назначенный для выполнения какого-либо обязательства*
- ✓ *слово или словосочетание, обозначающее объекты*
- ✓ *слова или словосочетания – название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства*
- ✓ *слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве.*

Ознакомившись с этими определениями, можно отметить, что подобны они всего в трех (из рассмотренных восьми) следующих словарях: первое

значение *термина* в коммерческом словаре и значения его в экономическом и лингвистическом словарях: 1) *особое название понятия*, 2) *слова или словосочетания – название определенного понятия*, 3) *слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие*. Несмотря на то что в двух словарях определение дано как *название понятия*, а в другом: *обозначающее понятие*, это синонимичные названия, ввиду всем известного по Соссюру [36: 66-68] определения языкового знака: единство означаемого и означающего, иначе – "соединение понятия и акустического образа" /акустический образ – это имя (слово, название), присвоенное людьми тому или иному понятию или психическому образу, а означаемое – обозначающее понятие/. Подводя итоги, нужно отметить, что в этих трех словарях, как наглядно видно, по приведенным выше определениям, особое и первичное значение придается обозначающему или названию, т.е. акустическому образу или форме, в двух других: в логическом и социологическом – термином определяют или предметы, или объекты, которые тем не менее выражаются опять словом или словосочетанием: *слово или словосочетание естественного языка, обозначающее предмет (реальный или абстрактный) и слово или словосочетание, обозначающее объекты*. В остальных трех словарях – философском, мифологическом и в первом значении исторического (здесь слова *граница, предел* приводятся не как перевод латинского слова *terminus*, а как значение) – при определении слова "термин" на первое место выступает означаемое/понятие или содержание. Второе значение термина в историческом словаре, фактически, не выделяет его в лексику специального языка, а представляет его как общелитературное слово с оттенком специального, научного значения: *слово или сочетание слов, употребляемое с оттенком специфического научного значения*.

В результате, можно отметить, что в словарях разных наук нет единого определения понятия *термин*.

Чтобы точнее определиться с понятием *термин*, обратимся также к определению его в общих, неспециальных словарях, начиная со словаря В.И. Даля до словаря С.А. Кузнецова. 1) **Толковый словарь живого великорусского языка** (В.И. Даль, 1935): *термин* - м.лат. *выражение, слово, речение, название...* 2) **Толковый словарь русского языка в 4 т.** (под ред. Д.Н. Ушакова, 1935—1940): муж. (лат. *terminus* - предел, граница) ... 2. *Слово, являющееся названием строго определенного понятия. Специальное слово и выражение... для обозначения* чего-нибудь в той или иной среде, профессии. 3) **Словарь русского языка** (С.И. Ожегов, 1983): *слово или словосочетание - название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства*. 4) **Большой толковый словарь русского языка** (С.А. Кузнецов, 1998): [от лат. *terminus* - предел, граница]: 1. *Слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни*

и т.п.... *Специальное слово или выражение, принятое для обозначения чего-л. в той или иной среде, профессии.*

Рассмотрев понятие *термин* в четырех представленных словарях, можно отметить, что у С.И. Ожегова и С.А. Кузнецова определения понятия *термин* почти идентичны и более конкретны: "слово или словосочетание - название определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства" (С.И. Ожегов) и "слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни" (С.А. Кузнецов). Однако, ни в одном из четырех словарей, несмотря на временной диапазон (от Даля до Кузнецова), нет четкого и полноценного определения слова *термин*, но трактовка его указывает на номинативную функцию *термина*.

Подытожив все представленные выше определения понятия *термин*, можно сделать вывод, что единственным, объединяющим их безапелляционно, является происхождение слова *термин* (от лат. *terminus* – «граница», «предел»), которое несет в себе значение *ограничения*. В данном случае, ограничение в лексике области специального знания, в отличие от слова общелитературной лексики.

Как нет единого четкого и полноценного определения понятия *термин* в словарях, как общих, так и специальных, также и мнения ученых разнятся в определении понятия *термин*: "на сегодняшний день в терминологической науке существует более 100 определений термина..." [31: 9].

В основу научных исследований в области специальной лексики легли работы Д.С. Лотте и Э.К. Дрезена, ставшие стимулом для активного развития новых изысканий и трудов учёных разных поколений и школ. Особое значение в истории русского языкознания имеют работы Г.О. Винокура [8] и А.А. Реформатского (Реформатский, 1959, 1961, 1986). Над проблемами терминологических исследований, поднятыми этими учёными и остающимися актуальными и по сей день, работают их ученики и последователи.

Десятки лет ученые не могут достичь единения в понимании сущности термина.

Разногласия касаются таких вопросов, как: природа термина (языковая/экстраязыковая), функции термина (номинативная или дефинитивная), репрезентация им различных специальных знаний, разграничение и сближение слова и термина. Об этом пишет К.Я. Авербух в своем известном "Манифесте современной терминологии" [1: 192]: "при всем многообразии и обилии результатов исследований отсутствует общая теория термина. Нет пока той фундаментальной идеи, того основания, на котором могло бы быть построено "здание" терминологической теории." Он сам определяет термин (в рамках теории вариантности) как "элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания" [1: 131]. В.М. Лейчик,

соглашаясь с К.Я. Авербухом, отмечает, что "В подавляющем большинстве работ принимается положение, что термин – это слово или словосочетание, естественного языка; иначе говоря, утверждается языковая природа термина, и различия во взглядах сводятся к признанию большей или меньшей специфичности содержательной, формальной и функциональной структуры термина" [23: 21], а сам В.М. Лейчик определяет термин так: "Лексическая единица языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности" [24: 31-32). Впервые академик В.В. Виноградов представил теорию о дефинитивной функции термина. Его точку зрения поддерживают Л.А. Капанадзе, О.С. Ахманова, Т.Л. Канделаки, В.П. Даниленко и М.Н. Володина. Г.О. Винокур считает, что «термины — это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция называния [8: 56]. С ним соглашаются: Р.А. Будагов и А.И. Моисеев. В.Н. Прохорова считает, что различия между термином и нетермином заключается не в плане выражения, а в плане содержания и в ограниченности функционирования (Щербина С.И., 2004: 4). А вот М.В. Орлова полагает, "что специфика термина именно в том и заключается, что он, в отличие от обычного слова, в одно и то же время и называет, и определяет понятие, то есть выполняет две функции: номинативную и дефинитивную" [28: 1]. А.Н. Баранов и В.Н. Немченко в определении термина упор делают на понятие профессиональной сферы. Т.Н. Высоцкая, Е.И. Голованова и М.Н. Володина определяют термин в ракурсе когнитивно-коммуникативного подхода.

В книге "Общая терминология. Вопросы теории" [37: 14] приводится следующее определение термина: "Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний; основной понятийный элемент языка для специальных целей. Внутри своего терминологического поля термин однозначен. Одинаково звучащие термины разных полей – омонимы (волна в гидравлике, радиотехнике, оптике и общей лексике). Для своего правильного понимания требует специальной дефиниции (точного научного определения)".

Теперь обратимся к такой проблеме термина как мотивированность/немотивированность. "Как известно, существуют диаметрально противоположные мнения о том, должен ли термин быть мотивированным. Ответ на этот вопрос, как представляется, не может быть однозначным. Тем более, что в научной и иной терминологии были, есть и будут как мотивированные, так и немотивированные термины. Причем в русской терминологии, как выявлено, "играет главенствующую роль мотивированный тип номинации", мотивированные термины составляют "большую часть русских терминов". В этой связи представляется неслучайным появление работ, анали-

зирующих мотивированность терминов. Вопрос о термине и его мотивированности следует рассматривать не в том плане, каким должен быть термин: мотивированным или немотивированным, а в иной плоскости: в чем преимущества и в чем недостатки мотивированного термина?" [5: 30]. "Поскольку вся специальная лексика вторична по отношению к общей, в ней преобладает условность, базирующаяся, однако, на некоторых естественных связях слов и именуемых с их помощью объектов. При формировании плана выражения терминов из слов естественного языка важное значение приобретает их мотивированность. Мотивированный термин легче запоминается, устанавливает ассоциативные связи с другими терминами и с именуемыми явлениями. Но полностью мотивированных терминов, по-видимому, вообще не существует. И объясняется это как вторичностью терминов по отношению к общей лексике, так и тем, что каждое понятие характеризуется разными признаками, а в его имени отражается лишь один, при этом не всегда ведущий." [38: 88-91], например, *челнок* – торговец, закупающий товары массового потребления оптом на дешевых, как правило, зарубежных рынках и доставляющий их на мелкооптовый и розничный отечественный рынок – использовано значение слова *челнок*, как рабочего органа ткацкого станка, прокладывающего уточную (поперечную) нить между нитями основы при выработке ткани, т.е. использовано сходство с протянутой нитью – дорогой, по которой челнок (торговец) двигается в одну и другую сторону/ туда и обратно (лексическая мотивированность – *М.О.*).

В.М. Перерва в своей статье "Перерождаются ли термины в общем употреблении?" пишет об отличии и сближении термина и обычного слова: к термину "значительно более высокие требования к термину в отношении точности содержания, однозначного соответствия объекту действительности др. и второе отличие от слова-нетермина: общественное закрепление за термином строго очерченного вещественного значения и отсутствие семантических коннотаций. Закрепление за термином строго очерченного вещественного значения достигается тем, что обозначаемое термином понятие складывается только из наиболее существенных – необходимых и достаточных признаков объекта действительности, тогда как в понятие, выражаемое общеупотребительным словом, могут входить, кроме существенных, и другие второстепенные, побочные, несущественные признаки объекта". Отсюда тенденции терминов „к моносемичности, к отсутствию синонимов, дублетов и вариантов и т.д. Но поскольку в остальном термины не отличаются от обычных слов и подчиняются тем же самым закономерностям языка (это касается и их возникновения, и их функционирования в языке), постоянно существуют в среде языковых средств общенародного языка, постольку это приводит к тому, что они как бы стремятся уподобиться обычным средствам общего языка во всем – и отсюда противоположная тенденция терминов к полисемии, к возникновению синонимов, дублетов и вариантов, к образности и экспрессивности и т.д.". Причем при образовании нового значения слова сохраняется как прежде, терминологическое

значение, так и непосредственная связь между первоначальным и производным значениями. Это уже полисемия, т.е. приобретение термином переносного или образного значения. А употребление терминов в переносных и прочих значениях – уже не терминологическое, а чисто языковое явление, способность языка использовать каждое языковое средство для выражения все новых: метафорических, фигуральных и других значений для развития и обогащения языка [29: 89-96]. О связи и сближении терминов и общепонятного языка пишет и О.В. Дунаевская [16].

В.М. Лейчик считает, что языковая, лексическая основа проявляется во всех сторонах термина: и в его фонемной, и в словообразовательной, и содержательной, и функциональной структуре. Он приходит к выводу "о неправомерности традиционных противопоставлений 'термин – слово', 'термин как особое слово – общеупотребительное слово', поскольку между этими единицами существует не отношение контрастности, а отношение логической производности" [22: 87–97].

Но "Как бы ни употреблялся термин в обыденной речи и даже как бы ни понимался он отдельным носителем языка... его основное объективное терминологическое значение всегда остается при нем, т.е. термин все время остается термином – языковым знаком (словом или словосочетанием), несущим информацию о совершенно определенном объекте действительности, отображенном в строго научном понятии" [30: 91]. Довольно полное определение дал понятию термин Г.Рондо: "*Термин* – это языковой знак в смысле Соссюра, т.е. языковая единица, имеющая означаемое и означающее. От других языковых знаков термин отличается тем, что его семантическая экстенция определяется по отношению к означаемому раньше, чем к означающему. Можно не знать, что значит та или иная языковая форма, но хорошо представлять себе понятие, догадаться, какая языковая форма его представляет. Другая характерная черта термина состоит в том, что его означаемое получает дефиницию в ряду прочих означаемых, принадлежащих к той же области, т.е. что термин нельзя рассматривать изолированно. Он всегда часть семантического целого, которым может быть наука, практическая деятельность, техника, но всегда – специальная область" [35: 1, 15].

Подводя итоги, попытаемся определить понятие *термин* в нашем понимании. Итак, *термин* – это языковой знак в смысле Соссюра, т.е. языковая единица (Г.Рондо), выраженная словом или словосочетанием, имеющая означаемое и означающее, где первично означаемое, т.е. понятие, а означающее возникает естественно или по потребности создается искусственно, получая дефиницию в ряду подобных же понятий (означаемых) одной и той же специальной области/науки, являясь частью семантического целого этой области знаний. Основные нормативные требования к терминам, которые еще в 1961 году выдвинул Д.С.Лотте в своей книге: "Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики" [25: 158], можно сформулировать следующим образом: 1) однозначность; 2) отсутствие синонимов; 3) мотивированность; 4) системность; 5) краткость; 6)

простота и понятность; 7) независимость от контекста. Эти требования попозже были дополнены и другими положениями: "внеположенность термина модальности, экспрессии и стилистике" [34: 103], "отрешенность термина от образных и эмоциональных переживаний" [8: 3] и другие.

Однако термины, как и слова общелитературного языка, "живые", они находятся в постоянном общении со словами лексики национального языка, а язык – это живая система, реагирующая на новые потребности общества и переносящая реалии живого мира в сферу интерпретации языка. И поэтому сегодня уже "общепризнанным является тот факт, что перечисленные выше требования характерны для некоего «идеального» термина, во всяком случае, термина, находящегося в сфере фиксации (представленной специальными терминологическими словарями, сборниками рекомендуемых терминов и т.п.), а не термина, находящегося в сфере функционирования, т.е. в его реальной языковой жизни – статьях, монографиях, произведениях научно-популярного характера" [31: 102], хотя и в сфере фиксации уже можно найти „неидеальные термины”, которые уже потерпели некоторые изменения при функционировании в определенной/ соответствующей терминологической среде. По мнению С.Д. Шелова, разработанные Д.С. Лотте и дополненные позже другими исследователями эти характеристики ни по отдельности, ни вместе взятые не являются обязательными и необходимыми признаками термина и терминологии [25: 19, 18]. О.А. Зяблова в этой же связи пишет: « В настоящее время все чаще говорят не об отсутствии у терминов многозначности, синонимии, омонимии, неопределенности семантики, экспрессивности, контекстуальной обусловленности, а о специфике реализации всех этих признаков» [18: 41]. Несмотря на усилия терминоведов, направленные на создание идеальных терминосистем, подавляющее большинство терминов все равно обнаруживают признаки и полисемии, и синонимии, и экспрессии, и др. свойства, нехарактерные для термина. Представим несколько примеров на основе экономических терминов. Например: **полисемия** (**менеджер**: 1) управляющий, специалист по управлению производством и обращением товаров, работающий по найму, организует работу на фирме, руководит производственной деятельностью групп сотрудников фирмы, является должностным лицом фирмы, в которой он работает, и входит в средний и высший руководящий состав фирм, 2) участник руководящей группы банковских синдикатов, осуществляющий эмиссию и размещение облигационных займов на рынке капиталов; **трейдер** – 1) работник брокерской фирмы, непосредственно участвующий в биржевой торговле, исполняющий заказы на куплю-продажу ценных бумаг; 2) торговец), синонимия (предприниматель – антрепренер, бизнесмен, где: предприниматель – лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, частным бизнесом; антрепренер (франц. *entrepreneur* – предприниматель) – предприниматель; **бизнесмен** (англ. *businessman* от англ. *business* – дело, предпринимательство) – деловой человек, предприниматель, антрепренер, лицо, занимающееся собственным бизнесом, имею-

щее свое дело в целях получения прибыли или иной выгоды); **экспрессия** – терминологический/экономический сленг (*бык, медведь, овца*, где: *бык* – биржевой игрок, играющий на фондовых биржах, который предвидя повышение курса ценных бумаг и способствуя такому повышению, заранее скупает ценные бумаги, курс которых должен повыситься с тем, чтобы потом выгодно продать по более высокой цене, осуществив спекулятивную операцию, *медведь* – биржевой игрок, спекулянт, играющий на понижение цен товаров, курсов ценных бумаг, валюты, продает на срок (с выдачей, поставкой через определенный период) товары, акции по курсу, цене, зафиксированной в момент сделки, надеясь купить их до момента исполнения сделки по более низкой цене и тем самым получить прибыль в виде разности цен, *овца* – спекулянт, играющий на бирже вслепую, без полной необходимой информации, неопытный брокер, не имеющий своего мнения о перспективах рынка), **многословность** (*брокерно операциям с облигациями, маклерно фрахтованию судов, агент торговый промышленной фирмы*) и т.д.

Выводы:

Обобщив все вышесказанное в имеющейся теоретической литературе о понятии '*термин*', нами была сделана попытка дать свое единственно приемлемое для нас определение этому понятию. Итак, *термин* – это языковой знак, т.е. языковая единица, выраженная словом или словосочетанием, имеющая означаемое и означающее, где первично означаемое, т.е. понятие, а означающее возникает естественно или по потребности создается искусственно, получая дефиницию в ряду подобных же понятий (или означаемых) одной и той же специальной области/науки, являясь частью семантического целого этой области знаний. Соглашаясь с основными нормативными требованиями к терминам, которые еще в 1961 году выдвинул Д.С. Лотте: 1) однозначность; 2) отсутствие синонимов; 3) мотивированность; 4) системность; 5) краткость; 6) простота и понятность; 7) независимость от контекста – и, которые позже были дополнены и другими положениями: "внеположенность термина модальности, экспрессии и стилистике" [34: 103], "отрешенность термина от образных и эмоциональных переживаний" [8: 3] и другие, приходится признать, что термины не являются окаменевшим клише (что было бы идеально для термина), а, как и слова общелитературного языка, "живые". Они находятся в постоянном общении со словами лексики национального языка, а язык – это живая система, реагирующая на новые потребности общества и переносящая реалии живого мира в сферу интерпретации языка. И поэтому сегодня уже тот факт, что перечисленные выше требования характерны для некоего «идеального» термина, или же термина, находящегося в сфере фиксации, а не термина, находящегося в сфере функционирования, т.е. в реальной языковой жизни, является общепризнанным. Так что характеристики, разработанные Д.С. Лотте и дополненные позже другими исследователями, ни по отдельности, ни вместе взятые, не являются обязательными и необходимыми признаками термина. Сейчас уже чаще говорят не об отсутствии у

терминов многозначности, синонимии, омонимии, неопределенности семантики, экспрессивности, контекстуальной обусловленности, а о специфике их реализации. Специфичность термина продолжает проявляться на уровне семантики, определяющей его значение, а в определенный период времени – детерминологизация или ретерминологизация. Таким образом, в современной терминологии постепенно меняются отношение и требования к терминам. В силу этого процесс усвоения терминов в рамках овладения языком профессии может быть значительно затруднен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух К.Я.* Манифест современной терминологии // Материалы международной научно-практической конференции "Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах "Коммуникация-2002", Ч.1, Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 192-194 // http://www.russcomm.ru/rca_biblio/a/averbuh.shtml
2. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. – Иваново, 2004. – 252 с.
3. *Ахманова О.С.* Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М., 1966. – С. 69–74.
4. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Уч. пособие. Изд. 2-е, испр. М., 2003. – 360 с.
5. *Блинова О.Е.* Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. 1981. С. 28-37.
6. *Будагов Р.А.* Что такое научный стиль // Русская речь. 1970. № 2. – 144 с.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. школа, 1986. – 639 с.
8. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языковедению. М., 1939. С. 3-54 // <http://danefae.org/lib/vinokur/i>
<http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59.htm>
9. *Володина М.Н.* Информационная природа термина // Филологические науки. 1996. № 1. С. 90-94.
10. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 127 с.
11. *Высоцкая Т.Н.* Термин как основная единица метаязыка терминологического исследования-2012 // <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2012/8.pdf>
12. *Голованова Е.И.* Человек в профессиональном измерении: проблемы языкового моделирования // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тез. докл. Междунар. конф. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. – С. 29-31.
13. *Голованова Е. И.* Когнитивное терминоведение. Челябинск, 2008. – 180 с.
14. *Даниленко В.П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. – 246 с.
15. *Даниленко В.П., Новикова Н.В.* Культура русской речи. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: Норма, 2000: С. 250: 184–188 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/24.php
16. *Дунаевская О.В.* О современном термине // <http://www.gramota.m/magarch.html?id=68>, <http://www.dissercat.com/content/orientiruyushchie-svoistva-terminov-na-materiale-russkoi-lingvisticheskoi-terminologii#ixzz2b724IojZ>
17. *Яблова О.А.* Социоллингвистические и когнитивные особенности функционирования экономической лексики. АКД, М., 2002. – 28 с.
18. *Яблова О.А.* Немецкая экономическая лексика. Социоллингвистический аспект. М., 2004. – 166 с.
19. *Капанадзе Л.А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С. 86–103.
20. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. – 167 с.
21. *Канделаки Т.Л.* Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. – С. 40-53.
22. *Лейчик В.М.* О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87-97.

23. *Лейчик В.М.* Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2 "5". С. 20-30.
24. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд., испр. и доп. – М., 2009. – 256 с.
25. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М.: АН СССР, 1961. - 158 с.
26. *Моисеев А.И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: сб. науч. статей. М.: Наука, 1970. С.127-139.
27. *Немченко В.Н.* Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справочник. Н. Новгород, Издательство Нижегородского университета, 1995. – 251 с.
28. *Орлова М.В.* Теоретические обоснования термина как языкового явления // Журнал «Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета». 2010, № 1. С. 64-68 // <http://scientific-notes.ru>
29. *Перерва В.М.* Современная русская лексикография. Л., 1980. С. 89-97.
30. *Перерва В.М.* Перерождаются ли термины в общем употреблении? // Современная русская лексикография. Л., 1981.
31. *Польская С.С.* К вопросу о трудностях освоения экономической терминологии в рамках овладения языком профессии студентами ИВЭС // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики делового общения в свете компетентностного подхода / Отв. редактор Л.К. Раицкая. М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 100-106 // www.mgimo.ru/uploads/files/conf_eng_5_2009.doc
32. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология (Материалы Всесоюз. терминологического совещания). М.: АН СССР, 1959. - 14 с.
33. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология? // Вопр. терминологии. М., 1961. С. 46-54.
34. *Реформатский А.А.* Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии: сб. науч. ст. М.: Наука, 1986. С. 163-198.
35. *Рондо Г.* Проблемы и методы неологии в терминологии /неонимии // Научно-техническая терминология. 1980. Вып. 5. С. 1-7.
36. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1998. С. 66-68.
37. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989.
38. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом „ЛИБРОКОМ”, 2012. – 248 с.
39. *Шелов С.Д.* О языковой природе термина // Науч.-тех. Информация. СПб., 1982. - Сер. 2. - Вып. 9. - С. 1-6.
40. *Шелов С.Д.* Еще раз об определении понятия „термин” // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795–799.
41. *Щербина С.И.* К истории терминов полногласие и неполногласие // Рус. яз. в школе. 2004. № 1. - С. 86-88.
42. *Щербина С.И.* Развитие русской терминологии сравнительно-исторического языкознания. М., 2004. – 542 с. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов [dissertCat](http://www.dissertcat.com/content/razvitie-russkoi-terminologii-sravnitelno-istoricheskogo-yazykoznanija#ixzz4oDshDbYh) <http://www.dissertcat.com/content/razvitie-russkoi-terminologii-sravnitelno-istoricheskogo-yazykoznanija#ixzz4oDshDbYh>

Словари:

1. *Азрицян А.Н.* Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики, 1997.
2. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь, М., Книжный мир, 2010.
3. *Даль В.В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935.
4. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010.
5. *Иван А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997
6. *Корш М.* Краткий словарь мифологии и древностей. - Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1894, «Издательство РАГС», 2006 // livelib.ru/https://www.livelib.ru/author/153367/top-m-korsh, <http://dic.academic.ru>
7. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1983.
9. Словарь исторических терминов / Сост. В.С. Симаков; Под общ.ред. А.П. Крюковских. СПб.: Литга, 1998.
10. Социологический словарь (Энциклопедия: сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. (Серия: Мир энциклопедий).

11. Справочный коммерческий словарь / Под редакцией проф. Н.Г.Филимонова. — М.: Издание Центросоюза, 1926.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1988.
13. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А.Лутченко. - М., 2009.

**«ՏԵՐՄԻՆ» ՀԱՍՎԱՑՈՒԹՅԱՆ ՄԱՀՄԱՆՄԱՆ ՄԱՍԻՆ
Մ.Յ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ
ԵՊՀ**

Ժամանակակից տերմինաբանությունում չկա «տերմին» հասկացության միանշանակ միասնական սահմանում: Այս հոդվածում դիտարկվում են «տերմինի» էությունը բնութագրող տարբեր սահմանումներ: Ամփոփելով տեսական գրականությունում եղած տվյալները «տերմին» հասկացության վերաբերյալ, մեր կողմից փորձ է արվել տալ մեր սահմանումը այդ հասկացությանը: Ժամանակակից տերմինաբանությունում սակայն աստիճանաբար փոխվում են վերաբերումները ու պահանջները տերմինների նկատմամբ: Դա կարող է մեծապես խոչընդոտել տերմինների յուրացման գործընթացը մասնագիտության լեզվին ուսանելու և տիրապետելու շրջանակներում:

Բանալի բառեր՝ տերմին, տերմին հասկացության սահմանում, բառարան, սահմանում (դեֆինիցիյա), տերմինահամակարգ, տերմինաբանություն

**The definition of the concept of the “term”
M.Y. HOVHANNISYAN
YSU**

There is not single unambiguous determination of concept "term" in modern terminology. Different determinations of essence "of term" are examined in the article. Summarizing the data available in the theoretical literature on the concept of "term", we attempted to give his definition of this concept. The attitudes and requirements change toward terms gradually in modern terminology. By virtue of it the process of mastering of terms within the framework of learning and mastering of the profession language can be considerably labored.

Key words: term, determination of concept term, dictionary, definition, term system, terminology.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 апреля 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

РАЗВИТИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (на примере слов со значением состояния)

А. ГАРЕГИНЯН

Ширакский педагогический университет им. М.Налбандяна

А. МХИТАРЯН

Национальный университет архитектуры и строительства Армении

Семантика слова, как правило, зависит от национального языкового мышления, которое в свою очередь обусловлено историей и условиями проживания данного народа. Для конкретизации необходимо изучение развития семантики отдельных единиц. Авторы, изучив семантическую историю слов *быть*, *лежать* и их эквивалентов в английском и армянском пришли к выводу, слова разных языков внутри одной языковой семьи, имеющие одинаковое исходное значение, развивают близкие или совпадающие семантические ответвления, что свидетельствует о близости или идентичности языкового мышления народов, говорящих на этих языках. Аналогичное исследование единиц языков разных языковых семей позволит делать выводы о близости мышления разных народов вообще или решить вопрос об отнесении того или иного языка к соответствующей группе. Сопоставление семантики эквивалентов позволяет значительно облегчить задачи машинного перевода, создать семантическую матрицу равносильных единиц разных языков. При обучении иностранным языкам это позволяет значительно расширить словарный запас обучающихся, опираясь на данные родного языка.

Ключевые слова: *быть, лежать, семантика, развитие, полисемия.*

Семантика слова, как правило, зависит от национального языкового мышления, которое, в свою очередь, обусловлено историей и условиями проживания данного народа. Это определение – общее. Для конкретизации необходимо изучение развития семантики отдельных единиц, что важно не только в плане построения лингвистических теорий, но и в практическом плане: для построения лингвистических основ автоматического перевода, обучения и изучения иностранных языков, понимания особенностей языкового мышления.

Особенности развития семантики отражаются на всех слоях лексики. Поскольку слова со значением состояния, как правило, изучены мало, попробуем показать разветвление значений слова путем анализа толкований *to be*, *to lay*, *быть*, *лежать*, [bɪtʃ], [ʃajnz]. Анализ производится методом пошаговой дифференциации с учетом компонентного состава. В толкованиях рассматриваются только собственно значения слов. Сочетания типа *to be away*, *to be down*, в которых анализируемые слова принимают разные значения под влиянием сочетающихся единиц, не учитываются, ибо «если ... представить себе функцию языкового знака не как простое наименование предметов, а как участие в образовании реального высказывания, то необходимо признать первичным

для языкового знака не уровень языкового значения, а уровень реального конкретного значения в составе коммуникативного отрезка» [2, с. 9].

Рассмотрим предварительно семантику глаголов со значением *быть*. Исходное значение этих слов – «существовать в некотором времени и некотором пространстве». Иначе говоря, здесь гипероним – «существовать» и две семы – «в некотором времени» и «в некотором пространстве». И так, to be:

1) быть; быть живым, жить; существовать: I think, therefore I am. — Я мыслю, следовательно, существую.

2) происходить, случаться, иметь место: Be it as it may. — Будь как будет.

3) занимать (какое-л. место, положение), находиться (где-л.), принимать (какую-л.) позу или позицию: to be at home - *находиться дома*; The bank is between the shoe shop and the post office. - *Банк расположен между обувным магазином и почтой*.

4) находиться в (каком-л.) состоянии; обладать (каким-л.) качеством: to be afraid — *страшиться, бояться, трусить; опасаться*.

5) констатация факта: It's 5 o'clock – *Сейчас 5 часов*.

6) оставаться, пребывать (в каком-л. состоянии); не меняться, продолжать быть, как раньше: Let things be. - *Пусть всё будет как есть*.

7) в роли связки в составном сказуемом:

а) означать, значить; быть эквивалентным чему-л. To fall was to die. - *Упасть означало умереть*; State is me. — *Государство это я*.

б) занимать место в ряду; характеризоваться признаками: Only by being man can we know man. - *Только будучи людьми мы можем познать человека*. He was of Memphis. - *Он был из Мемфиса*. The coat was below fifty dollars! - *Пальто стоило меньше пятидесяти долларов!*

в) иметь значение, быть значимым: Is it nothing to you? - *Это ничего для тебя не значит?* [6].

В соответствии с классификацией В.В. Мадояна [3, с. 132-147], определим самостоятельное значение этого слова, т.е. вне зависимости от других лексических единиц. To be or not to be! – самая известная фраза на Земле. Здесь to be имеет одно значение – «существовать», которое английские словари трактуют и как «жить», но To live or not to live! ≠ To be or not to be! В первом случае речь скорее о биологическом существовании, в то время как во втором – о существовании вообще. Остальные значения – контекстуально обусловленные. Если произвести их дифференциацию, то значения распределяются на развивающиеся во времени (значения 2, 5, 6) и развивающиеся в пространстве (3,4). To be только как глаголу – связке можно приписать качественные семы, однако они обусловлены сочетающимися словами и могут быть приписаны любому слову в указанной функции: He was a doctor (He = a doctor) ≠ He was from Moscow. (He was born in Moscow, He was coming from Moscow) ≠ He was in coat (He was dressing a coat).

Русское слово *быть* самостоятельным значением имеет «существовать»: *Думаю, инопланетяне есть* (≠ *Думаю, инопланетяне живут); *Здесь когда-то была Троя* (≠ *Здесь когда-то жила Троя). Аналогично в выражениях типа

Россия – это третий Рим, а четвертому не бывать, Россия была, есть и будет произвести семантические замены *быть* на *жить* невозможно.

Контекстуально обусловлены значения:

- 1) иметься, реально быть в распоряжении: *В диктанте есть ошибки; Сила есть – ума не надо; Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора! Есть билеты в театр; Были признаки жизни;*
- 2) находиться, располагаться, размещаться (в пространстве): *Деканат был на третьем этаже; Сосны будут в новом парке; Столовая будет на первом этаже;*
- 3) случаться, происходить: *Были первые радости; Были войны и наводнения;*
- 4) быть по происхождению, родиться: *Человек из Москвы;*
- 5) наступать (о времени): *Было туманное утро; Было уже пять часов вечера; Было время спать;*
- 6) исполняться, быть (о возрасте): *Ему было пять лет; Заводу будет скоро сорок!*
- 7) приходиться, посещать: *быть на выставке, быть у ректора,*
- 8) являться, становиться: *быть отличником, быть первым на селе работником, быть дезертиром;*
- 9) прибывать, приезжать (о транспорте): *Автобус будет в пять часов; Самолет прибыл в десять утра.* [5, 6].

Как видим, контекстуально обусловленные значения русского *быть* во многом совпадают со значениями английского эквивалента и развиваются также во времени (значения 3,5,8,9) и пространстве (значение 2,7). Значения 2,4 связаны с гиперонимом «существовать».

В армянском языке эквивалент *быть* – լինել, у которого можно выделить самостоятельное значение – «существовать», которое, как показано выше, не является синонимом слова *жить*: Լինել թե՛ չլինել, Եղիցի ը, լույս:

Современные армянские словари отмечают следующие контекстуально обусловленные значения этого слова:

- 1) иметься, быть в наличии (во времени и пространстве): *Քաղաքում նոր թատրոն կա; Խանութքում նոր ապրանքներ կան; Արևին կարմիր թեր կան:*
- 2) находиться, располагаться, размещаться (в пространстве): *Թատրոնը հարևան փողոցի վրա է; Նոր սերնդին նոր խնդիրներ կլինեն; Սուսքը կլինի դրսից:*
- 3) случаться, происходить: *Լինում էին նաև լավ օրեր:*
- 4) наступать (о времени): *Խուլ և մռայլ առավոտ էր; Արդեն ուշ էր:*
- 5) исполняться, быть (о возрасте): *Նա հինգ տարեկան էր, Պապը ութուներեք տեղ էր:*
- 6) приходиться, посещать: *լինել ցուցահանդեսին, լինել բժիշկի մոտ:*
- 7) являться, становиться: *լինել համարձակ, լինել զգաստ, լինել գերազանցիկ, տնօրեն լինել:*
- 8) возникать, возникнуть: *Հանկարծ լույս եղավ:*
- 9) составлять, составить: *Հինգ անգամ հինգ կլինի քսանհինգ:*
- 10) происходить, быть родом: *Պոռնուր Դիլիջանից է:* [7].

Армянский материал полностью вписывается в предыдущие выводы: значения слова *быть* и его эквивалентов в английском и армянском развиваются по двум направлениям – во времени и пространстве, поскольку толкование этой лексемы включает именно эти семы – “пространство” и “время”. Если обратиться к категориям качества и количества, то в предложениях с рассматриваемым словом эти значения выражаются благодаря структуре предложения и значениям сочетающихся слов, а поскольку глагол – связка, по принятой в науке теории, не является полнозначным образованием, выводимые словарями значения типа «быть тождественным» (*Николай II – император России, Дважды два – четыре*) не могут быть отнесены к собственным значениям рассматриваемой лексической единицы.

На основании исследованного материала можно сделать вывод, что развитие семантики слова обусловлено внутренними семами толкования. Оно не может быть случайным и подчиняется четким закономерностям. Слово *быть* и его эквиваленты в английском и армянском являются самыми первыми лексическими единицами речи, однако они не имеют разветвленной системы значений. Это вновь указывает на непосредственную связь семантических трансформаций с исходной семантикой слова. Зависимость от времени проявляется в реализации возможностей, заложенных в семантику. Эти слова функционируют в своих языках со дня их появления, в то же время не развивают широкую сеть значений. Тезис В.Трика о том, что «чем прочнее значащий элемент языка включается в какую-либо комбинацию, тем больше значений он может приобрести» [4, с. 275], требует уточнения.

Следующая лексема – английское *lay* и его эквиваленты: русское *лежать* и армянское *լայելիլ*. Исходное значение этой лексемы в указанных языках – «находиться в горизонтальном положении (в пространстве)». Ср.: *The rhino was seen to lay among the grass. – Нельзя читать, лежа в постели. – Աղբյուրը լայելիլով էր գտնվում և բլրաբլուրին անուշադիր էր հանդիսանալիս նկատվում:*

В английском *lay* словари отмечают следующие контекстуально обусловленные значения:

1) класть, положить: *to lay an injured man (down) on the grass* – «положить раненого на траву»),

2) класть, прокладывать, устанавливать (определённым образом): *to lay bricks/a cable/foundations/a parquet floor* – «класть кирпичи, прокладывать кабель, закладывать фундамент, настилать паркет»,

3) стлать: *to lay a carpet on a floor* – «стелить ковёр на пол»,

4) готовить, подготавливать: *to lay a table* («накрывать на стол»), *to lay a fire* – «разводить огонь», *to lay plans* – «строить планы», *to lay a trap to catch an animal* – «ставить ловушку на какого-л. зверя»,

4) откладывать яйца, нестись: *this week the hens aren't laying* – «всю неделю куры не несутся» [6].

В ограниченных случаях эта лексема может иметь бесконечное количество значений, связанных как с пространственным расположением конкретного предмета, так и с переносным указанием на наложение чего-либо на кого-что-либо:

- накладывать (краску): to lay colours on canvas – «накладывать краски на холст»,
- накрывать (на стол): to lay the table (for dinner) – «накрыть на стол» (в обед),
- излагать, представлять (факты, сведения, мысли): to lay one's ideas before smb. – «излагать свои идеи кому-л.»»,
- возлагать (ответственность и т. п.) to lay the blame on smb – «возлагать ответственность на кого-л.»»,
- накладывать (штраф, бремя, налог): to lay an embargo on – «накладывать эмбарго»,
- предъявлять (претензии и т. п.), обвинять: to lay claim – «предъявлять права», и т.п.

Во всех примерах проявляется пространственная характеристика, и все значения можно заменить синонимами или синонимическими словосочетаниями, в которых присутствует сема «находиться в горизонтальном положении» (или «принять горизонтальное положение»). Даже в таких отвлеченных от семантики lay выражениях, как to lay a fire («разводить огонь») проявляется сема исходной семантики: разводили огонь в горизонтальном положении дров (на земле). Сему «в пространственном положении» можно назвать главной, хотя гипероним исходного значения – «находиться». Как известно, переносные значения слова могут быть обусловлены как внутренней семантикой, так и внешними факторами. В данном случае мы имеем дело только с внутренним развитием.

В русском языке слово *лежать* имеет следующую семантическую структуру:

- 1) находиться (в горизонтальном положении): *лежать на диване, лежать в обмороке,*
- 2) будучи больным, находиться в постели: *лежать с температурой, лежать в лихорадке* (болеть чем-л.),
- 3) лечиться в постельном режиме: *лежать в больнице,*
- 4) быть погребённым, покоиться в земле: *лежать в могиле.*

Ср. переносные значения: *на лице его лежит тень усталости; на всем пространстве, охваченном землетрясением, лежал мрак обреченности; весь дом лежал на матери; весь дом лежит на его плечах,* и др.

Если не считать переносные употребления, к которым можно отнести и значения 2,3, русское *лежать*, семантически, в основном, совпадает с английским to lay. Однако замечательно то, что английское слово больше придерживается сем внутренней семантики, в то время как русское слово развивает свои значения и под влиянием внешних факторов (значения 2 и 3), в том числе и окказионального употребления. По этому поводу Т.Г. Винокур отмечает: «В норму стиливого узуса нам приходится вводить явление окказиональности, относящееся не к конкретным индивидуальным новообразованиям, а к самой возможности их возникновения как особо экспрессивных средств языкового выражения, каким, например, является потенциальное слово» [1, с. 236]. Как показывают примеры с *лежать*, окказиональное употребление приводит к развитию переносного значения. Согласно нашему материалу, произошло это под влиянием сем «покрывать» и «в горизонтальном положении».

Армянское слово *սլանիլ* в словарях представлен в следующих значениях:

- 1) лечь, лежать: *սլանիլի հատակին, սլանիլի թիկունքով,*
- 2) ложиться, прилечь: *սլանիլի հանգստանալու,*
- 3) полечь, полегать: *հացը սլանիլի կպել է գետնին,*
- 4) слечь: *հիվանդ սլանիլի,*
- 5) лечиться, в постельном режиме: *հիվանդանոց սլանիլի,*
- 6) рожать, родить: *նրանց հարսը սլանիլի է,*
- 7) *перен.* подчиняться, подчиниться: *սլանիլի մեկի ոտքերի տակ,*
- 8) умирать, умереть: *սլանիլի սև հողի տակ.*

Эти значения, в основном, совпадают со значениями *лежать* и *lay*. Специфические разветвления (значения 6 и 7) соответствуют общему принципу развития: роженицы рожают лежа, а *подчиняться кому-либо* – это «лежать под его ногами».

Таким образом, слова разных языков внутри одной языковой семьи, имеющие одинаковое исходное значение, развивают близкие или совпадающие семантические ответвления, что свидетельствует о близости или идентичности языкового мышления народов, говорящих на этих языках. Аналогичное исследование единиц языков разных языковых семей позволит делать выводы о близости мышления разных народов вообще или решить вопрос об отнесении того или иного языка к соответствующей группе.

Сопоставление семантики эквивалентов позволяет значительно облегчить задачи машинного перевода, создать семантическую матрицу равносильных единиц разных языков.

При обучении иностранным языкам это позволяет значительно расширить словарный запас обучающихся, опираясь на данные родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.
2. *Катц Дж.* Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Т. 10. М.: Прогресс, 1981.
3. *Мадоян В.В.* Значение и мысль в статике и динамике двух языков. М.: РАН, 2016.
4. *Трнка В.* Замечания об омонимии // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1968.
5. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. М.: РЯ, 1998.
6. *ABBYY Lingvo – 12.* Internet Dictionary.
7. *Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, հ. 1-4, Եր, ՀՀ ԳԱ, 1969- 1981.*

ԲԱԶՄԻՄԱՍՏՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ ԱՆԳԼԵՐԵՆՈՒՄ, ՌՈՒՍԵՐԵՆՈՒՄ և ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ

(վիճակի իմաստ ունեցող բառերի օրինակով)

Ա. ԳԱՐԵԳԻՆՅԱՆ

Մ. Նալբանդյանի անվ. Շիրակի մանկավարժական համալսարան

Ա. ՄԻՐԹԱՐՅԱՆ

Ճարտարապետության և շինարարության Հայաստանի ազգային համալսարան

Բառիմաստը, որպես կանոն, կապված է ազգային մտածողության հետ, որն իր հերթին պայմանավորված է տվյալ ժողովրդի պատմության և բնակության պայմանների հետ: Խնդրի կոնկրետացման համար անհրաժեշտ է առանձին բառերի իմաստի պատմության ուսումնասիրություն: Հեղինակները, վերլուծելով *լինել* և *պառկել* բառերի և նրանց անզլերեն և ռուսերեն համարժեքների իմաստների զարգացումը, եզրակացրել են, որ նույն լեզվաընտանիքին, բայց տարբեր լեզուներին պատկանող բառերը, որոնք ունեն մոտ կամ հոմանիշ սկզբնական իմաստներ, զարգացնում են մոտ կամ նման ճյուղավորումներ, ինչը վկայում է այդ լեզուները կրող ժողովուրդների մտածողության մոտ կամ նման լինելու մասին: Տարբեր լեզուների միավորների նմանատիպ ուսումնասիրությունները թույլ կտան եզրակացնել տարբեր ժողովուրդների մտածողության նման լինելու մասին կամ որոշել տվյալ լեզվի լեզվախումբը: Համարժեքների համեմատությունը թույլ է տալիս զգալիորեն հեշտացնել ավտոմատ թարգմանության խնդիրները, ստեղծել տարբեր լեզուների համարժեքների իմաստային բունը: Օտար լեզվի ուսուցման ժամանակ նման ուսումնասիրությունները թույլ կտան ավելացնել բառապաշարը հիմնվելով մայրենիի տվյալներին:

Բանալի բառեր. *լինել, պառկել, իմաստ, զարգացում, բազմիմաստություն:*

Polysemy development in English, Russian and Armenian languages (on an example of words with value of a condition)

A. GAREGINYAN

Shirak Pedagogical University after M.Nalbandyan

A. MKHITARYAN

National university of architecture and building of Armenia

Semantics of a word, as a rule, depends on national language thinking which is in turn caused by history and conditions of residing of the given people. For a concrete definition studying of development of semantics of separate units is necessary. Authors, having studied semantic history of words *to be*, *lay* and their equivalents in the English and Armenian words of different languages in one language family, having an identical reference value have come to conclusion, develop close or conterminous semantic branches that testifies to affinity or identity of language thinking of the people speaking in these languages. Similar research of units of languages of different language families will allow to do conclusions about affinity of thinking of the different people in general or to solve a question on reference of this or that language to corresponding group. Comparison of semantics of equivalents allows to facilitate considerably machine translation problems, to create a semantic matrix of equivalent units of different languages. During the training of foreign languages such studies will allow to expand considerably the word stock, basing on the data of native tongue.

Key words: *to be, lay, semantics, development, polysemy.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 июля 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**ЖИЗНЕПОДОБИЕ ВМЕСТО ЖИЗНЕННОСТИ:
РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЫТ В ОЦЕНКЕ
Е. ЗАМЯТИНА****К. И. ШАРАФАДИНА**
Санкт-Петербург

В статье первая повесть Е. Замятина «Уездное» (1912) трактуется как эстетическое выражение концепции национального русского быта и оценка результатов и перспектив его исторического развития. Автор приходит к выводу, что мифологические и иные параллели, прилагаемые писателем к русскому национальному быту в поисках основ национального бытия, обнаруживают бесперспективность его жизненного содержания, замену жизнеподобием.

Ключевые слова: Е. Замятин, повесть «Уездное», провинциальный текст, мифопоэтические аллюзии, Эдем, Китеж.

Кризис современной цивилизации, кроме политической и экономической сфер, кардинально затронул и сферу духовную, поменяв вектор развития Человека как родового существа: от «человека разумного» и «человека играющего» к «человеку потребляющему».

Русская литература со свойственной ей пророческой миссией предупреждала о такой перспективе еще в начале 20 века, констатируя выхолащивание жизненного содержания из традиционных форм национального быто/бытия. К числу таких пророков в своем Отечестве, которых, по пословице, не хотят слышать, принадлежит Евгений Замятин.

Писатель увидел в русском быте чреватую деструктивным развитием двуипостасность, недаром выбрав для его метафоризации образ среднерусской провинции. «Тамбовское поле. Кому не случилось идти бескрайним тамбовским полем? Ширь, удаль, размах, и самое солнце затерялось, и так заливается какой-то жаворонок малюсенький, и далеко, на самом краю, сияют кресты: там – город, такой же, должно быть, широкий и вольный город построил себе тамбовский люд. А прийти в город – все оборванное, облупленное, грязное, и посреди города в луже свинья» [2: 135].

Провинциальный город становится в его художественном миромоделировании частью национального космоса, а важнейшим компонентом модели народного бытия выступает «сконцентрированный, устоявшийся веками, крепчайший, девяностоградусный» быт [3: 359].

Уже первая повесть Замятина «Уездное» (1912) содержала эстетически выраженную концепцию национального русского быта и оценку

результатов и перспектив его исторического развития.

Онтологический масштаб картин жизни провинции определяется у писателя мифопоэтической природой этой реальности, восходящей как к апокрифическим, сказочно-легендарным «изводам» общеизвестных мифологем, так и к исконно русским, религиозно-патриархальным основам национального уклада жизни, хотя и обретшим уже травестийно-пародийные формы.

Поэтика заглавия повести, обозначающего принятую в дореволюционной России административно-территориальную единицу, восходит к общеславянской этимологии корня –здь– («путь, дорога») и значению устаревшего просторечного глагола с этим корнем – «уездиться», то есть «стать укатанным, утрамбованным». Его своеобразная «безличность», отсутствие соотносимости с чем-либо конкретным прочитывается как иносказательный эквивалент жанровой ориентации произведения Замятина – на хронику (если не летопись) жизни русской провинции, усиленной присутствием в авторском повествовании сказовых интонаций.

Собственно быт предстает перед читателем многолико-пестрым, распадающимся на множество сочных деталей, колоритных особенностей, заставляющих вспомнить Гоголя и Островского: от описания гастрономических пристрастий провинциалов («что за провинциальная манера делать все жирным»), распорядка дня («летом в четыре часа... никто из хороших людей на улицу и носа не высунет: с полной утробой сладко спится после обеда») до характеристики вкусов («Мы тебе вместо пельсина (апельсина, выросшего из косточки. – *К. III.*) ервань купим. Ервань ...она духовитая...») и развлечений («быть со всеми, орать как все, колотить, кого все») [4: 84, 63, 57, 81].

Но в то же время провинциальная повседневность строго иерархична и упорядочена: бытовые ритуалы (базарный день, банный день, «святой обеденный час») чередуются в ней с диктуемым общественным мнением строгим следованием событиям литургического годового цикла и отправлением соответствующих церковных обрядов: «А Анфим-то Егорьч с Полькой? Чать, и им бы надо под Ильин-то день ко всенощной сходить?» [4: 60].

Географические координаты этого мира двоятся: они то вполне реальны: «судебная палата была в «соседнем городе», ветер подул «с севера», от монастыря, то приобретают условные, чуть ли не сказочные масштабы: «далеко гдей-то в большом городе»; «Только по таким заплесневелым местам... теперь на Руси и умеют по-старинному пироги печь» [4: 46, 83].

Так быт предстает в оценке Замятина еще освященным национальным преданием и традицией, но уже с чертами формализованного ритуала, вызывающего горькую авторскую иронию: «Постом великим все злощие ходят, кусаются – с пищи плохой. А придет Пасха – и все подобреют сразу: от кусков жирных, от наливок, от колокольного звона. Подобреют: нищему вместо копейки – две подадут...» [4: 79].

Мифопоэтические аллюзии этого мира на ветхозаветный Эдем как сим-

вол изначальной гармонии и утопически-легендарный град Китеж (русский вариант средневековой идеи «земного рая») заявлены текстуально: «рай был огромный сад»; «мы вроде как во град-Китеже на дне озера живем» [4: 46, 78]¹. Попутно они аргументируются оппозицией «Вавилону» как городу, посмевавшему тягаться с Богом: «Это уж пусть себе они там в Вавилонах с ума-то сходят. А нам бы как поспокойней прожить» [4: 78].

Поддержаны эти аллюзии и мифопоэтической смысловой перспективой сюжета, связанного с центральным персонажем, Антоном Барыбой. Его путь от вдовьего «потешника» до полицейского унтера – провинциальный фарс, разыгранный по узнаваемым мотивам: «грехопадение» и «воскресение», «преображение». Он дополнен библейским мотивом «возвращения блудного сына», правда, эпитет «блудный» в отношении к персонажу приобретает откровенно физиологический смысл, а «возвращение» оказывается несостоявшимся. Сравним: «И вдруг весь затрясся старик (отец Анфима. – К. III.) и завизжал, забрызгал слюной. – Пошел во-он, вон! Очумелый, вытаращил глаза Барыба и стоял долго, никак не мог понять...» [4: 90].

Таким образом, мифологические и иные параллели, прилагаемые писателем к русскому национальному быту в поисках основ национального бытия, обнаруживают бесперспективность его жизненного содержания, замену жизнеподобием: недаром Горький расслышал в повести «тоску» и «крик» молодого автора [5 : 320]². Те формы, в которых он продолжает себя осуществлять, стали жутковатой самопародией, и не застывшей, а способной развиваться и далее: «Может, и дикий, может, и страшный, а все же лад» [5 : 45].

Осмысленный Замятиным через мифологемы Эдема и Китежа как образов изначальной, но утраченной гармонии, русский национальный быт видится ему безобразно и страшно преобразенным, формализовавшим, ритуализировавшим, чуть ли не автоматизировавшим свои основные отправления, застывшим в симбиозе непросветленно плотского и угасающе духовного: здесь «жизнь, кажется, остановилась ... как будто прижатые камнем, бьются и не могут выпрямиться люди» [6: 6].

Так прогноз дал Замятин или поставил диагноз? В. Вейдле через полстолетия размышлял: «Родилась ли вообще Россия, или так и пронежилась тысячу лет в материнском лоне, так и не вышла до революции из предрассветного, утробного бытия? – Разве и впрямь не дремала она, содрогаясь, вскрикивая и бормоча, но не открывая глаз до страшного пробуждения, и то лучшее, что родилось и возшло на ее просторах, не приснилось ли ей оно и не забудет ли она его так же неизбежно, как все мы забываем среди дневных дел ночные сны?» [1: 133].

Его вопрос до сих пор ждет ответа.

Примечания:

¹ Ср. продолжение цитаты о Китеже: «В то же время ничегошеньки у нас не слышать, над головой вода мутная да сонная. А наверху-то все полыхает, в набат бьют».

² Ср.: «...этот "Городок Окуров" – вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком...» [5: 320].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
2. Замятин Е.И. Записные книжки. М., 2001.
3. Замятин Е.И. Сочинения: в 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4.
4. Замятин Е. «Уездное» // Замятин Е. Избр. произведения. М., 1989
5. Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992.
6. Шкловский В.Б. О рукописи «Избранное» Евгения Замятина // Е.И. Замятин. Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. М., 1989.

ԿՅԱՆՔԻ ՆՍԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿԵՆՍՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈՒԱՐԵՆ. ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ԿՅԱՆՔԸ ԵՎԳԵՆԻ ԶԱՄՅԱՏԻՆԻ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՄԵՁ

Կ.Ի. ՇԱՐԱԳԻՆԱ
Սանկտ Պետերբուրգ

Հոդվածում Եվ. Զամյատինի առաջին վեպը «Ույեզդնոյե» (1912) մեկնաբանվում է որպես ազգային կյանքի գեղագիտական արտահայտություն և գնահատվում են պատմական զարգացումը և հեռանկարները: Հեղինակը գալիս է այն եզրակացության, որ գրողի կողմից ազգային կյանքի հիմքերը որոնելու համար արձակագիրը կիրառում է դիցաբանությունը և տարբեր գուգահեռների շնորհիվ բացահայտում ազգային կենսական բովանդակությունը:

Բանալի բառեր՝ Եվ. Զամյատին, վիպակ «Ույեզդնոյե», գավառական տեքստ, առասպելական ակնարկներ, Եդենի պարտեզ, Կիտեժ:

Like Similarity instead of Vitality: Russian national life in of E. Zamyatin's evaluated K.I. SHARAFADINA St. Petersburg

In the article the first novel by E. Zamyatin "Uyezdnoe" (1912) is interpreted as an aesthetic expression of the concept of national Russian life and an assessment of the results and prospects of its historical development. The author comes to the conclusion that the mythological and other parallels applied by the writer to Russian national life in search of the foundations of national life, reveal the futility of its vital content, the replacement of life-like.

Key words: E. Zamyatin, the story "Uyezdnoe", a provincial text, mythopoetic allusions, Eden, Kitez.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 28 февраля 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

СИНЕСТЕЗИЯ И МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СВОЕОБРАЗИЕ ИДИОСТИЛЯ М.ГОРЬКОГО

М.Р. ГРИГОРЯН
АГПУ им. Х.Абовяна

В статье исследуются особенности использования М.Горьким некоторых традиционных мифологем и архетипов. Автором выявлена сюжетообразующая мифопоэтическая модель в повести «Супруги Орловы», элементы которой обнаруживаются и в других произведениях писателя. Рассматриваются характерные особенности идиостиля писателя: антропоморфизм пейзажей и синестезия, своеобразно описывающая мироощущение и эмоциональное состояние персонажей.

Ключевые слова: мифопоэтическая модель, мифологема, синестезия, антропоморфизм.

Творчество М.Горького неразрывно связано со своей эпохой и русской национальной культурой. Идеалы Горького восходят к тому, что было дорого для каждого русского писателя его поры: мечте об обновлении общества и духовном возрождении человека. Интуитивное влечение к гармонии и поиск этических ценностей привел его к интересным художественным открытиям. В последние десятилетия в работах А.Б. Удодова, В.А. Ханова, Т.П. Ледневой, А.А. Ревякина, А.Л. Шапошникова и др. делается попытка нового подхода к изучению творчества писателя.

М.Горький полагал, что «слияние романтизма и реализма особенно характерно для нашей большой литературы, оно и придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира» [3; 311]. Реализм М.Горького особого свойства, это справедливо подметил В.Короленко: «"Я же говорил вам, что вы реалист". Но, подумав и усмехаясь, добавил: "Но в то же время романтик!"» [4; с. 224].

На эстетическую систему Горького, безусловно, оказали большое влияние и фольклорно-мифологические традиции, что позволяет выявить связь с национальной духовной культурой. Об этом свидетельствуют его статьи «Вопленица», «Сказки» и др., где он пишет: «Устная поэзия трудового народа той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, – эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка» [4; с. 767].

В основе творческого метода М. Горького лежит миф как один из способов осознания «вечных» проблем индивидуальной и общественной жизни. Используемые им мифологемы – это не отдельно освоенные писателем образы. Они формируют в сознании художника некую мифопоэтическую модель мира, которая отражает его миропонимание и реализуется в системе символов и других поэтических категориях. Это его вариант истолкования действительности, то есть его особый тип мышления, отраженный в мифо-

творчестве. Согласимся с Е.В. Ивановой в том, что мифотворчество – это непрерывный процесс выявления значимых смыслов поведения человека, как в архаичном, так и в современном обществе [5].

В различных произведениях Горького, начиная с самых первых, можно проследить ряд мифологем и архетипов: воды, камня, солнца, огня, неба, звезд. Мифопоэтическое пространство Горький заполняет символическими пространственными образами: стена, порог, дверь, ступени, окно. Его мифопоэтическое видение отражается и в ономастическом пространстве (Васса Железнова, Лука, Матрена, Солнцев).

В повести «Супруги Орловы» описывается пространство, которое поначалу замкнуто. Это подвал, где живут герои, тесный двор, где тоже душно: «пахнет масляной краской, кислой капустой, гнилью» [3; т. 3, 224], а «над ним сияет весь в *блеске звезд, квадратный кусок синего неба*, и окруженный *высокими стенами, двор* кажется *глубокой ямой*, когда с него смотришь *вверх*» (Здесь и далее курсив мой. - М.Г.) [Там же]. Бескрайнее небо ограничено квадратом, земное пространство – двор – ограничен высокими стенами. Горький сосредоточен на оппозиции в пространстве двор, яма – небо. Эту антитезу «поддерживает» антропоним Орловы, который вынесен в сильную, заглавную позицию. С фамилией Орловы возникает ассоциативная цепочка эпитетов: свободный, гордый, сильный, как орел. В антропониме Орлов есть эффект ожидания: орел, значит, сможет летать. Противопоставление фамилии и их существования в яме подчеркивает ничтожность и приземленность жизни, а также позволяет предположить в них желания и способности, которые еще не проявлялись. Рассказывая о жизни Орловых, Горький детально описывает их продолговатую, темную комнату: «Свет падал в подвал косыми *мутными* полосами <...> в комнате было *сыро, глухо и мертво*» [3; т. 3, с. 225], пожалуй, так бывает в могиле – отсюда возникает мотив смерти. Пространство четко разделено на “верх” и “низ” – жизнь Орловых внизу и жизнь наверху: «Жизнь билась где-то там *наверху*, а сюда залетали от нее только *глухие, неопределенные звуки, падавшие* вместе с *пылью в яму* к Орловым *бесцветными хлопьями*» [Там же]. Здесь мы наблюдаем характерную для творческой манеры Горького особенность – смешение ощущений: звука, цвета, света, движения – глухие звуки, падавшие вместе с пылью бесцветными хлопьями. Об этом свойстве образного языка – синестезии (в узком понимании – цветной слух) – писал Б.М. Галеев, отмечая, что наличие ее «изобличает принадлежность текста по стилистическим свойствам к романтизму. Творчество М.Горького явно подходит под это определение, ибо «романтичность» его языка, его поэтики очевидна, но она особого рода, так сказать, вплетенная в «реалистическое» письмо. Индикатором этого своеобразия художественной речи Горького и является синестезия» [1]. В пространстве смешиваются ощущения: запахи, теснота, темнота, духота, отражая настроение, мироощущение героев: «*Окна* их были открыты, но *небо* закрывала *капитальная стена* <...> и в их комнате как всегда, было *темно, душно и тесно*» [3; т. 3, с. 231] «и пахло

плесенью, варом и прелой кожей» [3; т. 3, с. 219]. Окно – традиционный фольклорный символ “просвета”, выхода в иной мир, к свету, к небу – здесь загорожено и как бы не выполняет своей функции. Орлов понимает, что не место определяет его состояние: «От ямы это <...> Вроде как *прежде смерти в землю похоронены* <...> Хоть на чердак заберись, все в яме будешь... не квартира – яма ... *жизнь - яма!*» [3; т. 3, с. 231], то есть: даже будучи наверху, он будет ощущать себя внизу, в яме, как в могиле. Как видим, замкнутое пространство повести связано с устойчивыми образами стены, двора, подвала, ямы, могилы.

В повести Горький использует и другие фольклорные образы. В художественном пространстве, как и в любом доме, печь занимает важное место. В устном народном творчестве печь, с одной стороны, символизирует рождение, а в похоронных обрядах олицетворяет дорогу в загробный мир, уход в царство мертвых. Но в повести этот образ приобретает новое семантическое наполнение, а именно: печь становится символом всеподавляющей и всепожирающей скуки, уничтожающей чувства и жизнь героев. «Потухавший самовар тянул *пискливую мелодию*, полную *раздражающей скуки*, в окна со двора веяло запахом масляной краски, карболки и *обеспокоенной помойной ямы*. *Полусумрак, писк самовара и запахи* – все плотно сливалось одно с другим, *черное жерло печи* смотрело на супругов так, точно чувствовало себя призванным *проглотить их* при удобном случае» [3; т. 3, с. 244]. Возникает мотив скуки – смерти. Из подвала Орловы уходят в холерный барак – это царство смерти – работать. Выход Орловых из подвала – освобождение от скуки и ступень в развитии их сознания, миропонимания. Холерный барак – «котел кипящий», как чистилище, где освобождаются от бесполезного, бессознательного существования. После первого дня работы Орлов вышел во двор барака, «вытянулся на дерне, посмотрел в *небо*, где стояли *пышные облака, богато украшенные красками заката, и уснул как убитый*» [3; т. 3, с. 252]. Сон Григория – это лиминальное состояние, как в древних переходных обрядах инициации, это пороговая фаза, которая характеризуется амбивалентностью («ни здесь, ни там, ни то, ни се») и уподобляется утробному существованию или смерти, после которой он просыпается перерожденный. «Я нужный человек» [3; т. 3, с. 253], – говорит Орлов. Пространство повествования разительно меняется: встречи Орловых происходят в «*светлой каморке с двумя окнами в поле, залитое золотистым сиянием утреннего солнца*» [3; т. 3, с. 254], розовая дымка, блестящая роса, и появляется возможность «*дышать вволю "настоящим небесным воздухом"*» [Там же]. С расширением пространства расширяется и сознание героев. У них появляется надежда – «поднимемся из подвала-то», «али нам солнце не улыбнется?» [3; т. 3, с. 258]. У Григория пробуждается «жажда бескорыстного подвига» [Там же]. Поднявшись из ямы-подвала, где Орловы «прежде смерти похоронены» – могила, пройдя барак – «чистилище», выйдя в поле – небо, надышавшись «небесным воздухом», Орловы осознали, что они свободны: «точно с крючка сорвалась» – Матре-

на, «прозрел» – Григорий, и могут взлететь как птицы. Возврата к «тоске и духоте подвала» не может быть. Описание нового пространства повторяется и конкретизируется: «*светлая чистая комната с окнами в безграничный простор зеленого поля и голубого неба*» [3; т. 3, с. 255]. Появляются краски, свет, золотистое сияние. Поле и небо-простор сливаются, становятся синонимами: «поле уходило вдаль и там, зеленое, сливалось с мутно-голубым горизонтом» [3; т. 3, с. 257]. Видны кресты городских церквей, которые «пылали в небе, отражая снопы золотистых лучей <...> красное пламя заката» [Там же]. Произошло очищение, существование их теперь одухотворено. А ночная прогулка в поле выглядит, как полет в небо, к мечте: «Небо пышно расцветенное бесчисленными роями звезд, смотрело на землю с торжественной грустью, в поле было тихо, точно в небе» [3; т. 3, с. 260].

Когда Григорий несправедливо упрекает Матрену в бездетности, покорная, боязливая и зачастую безынициативная, она не прощает ему этого и уходит от него – возврата к прежней подвальной жизни не может быть. Такое развитие сюжета как бы было закодировано в самом имени персонажа. Антропоним Матрена характеризует героиню и сообщает некую информацию на основе интертекстуальных связей, что способствует раскрытию замысла писателя. Православная Церковь чтит память преподобной Матроны Цареградской, которая за верность христианской вере много претерпела от мужа своего и втайне ушла от него, приняла монашество, основала монастырь в Константинополе. Как видим, просматриваются параллели с тихим бунтом Матрены Орловой. Матрена (лат. Матрона) означает «почтенная мать семейства». Этим именем Горький подчеркивает предназначение своей героини быть матерью, ее степенность, нравственность. Согласимся со справедливым утверждением Л.А. Спиридоновой, что горьковский «мятежный человек близок к библейским героям, к мифологическим архитипам, бытующим в древнерусской литературе» [7]. В дальнейшем Матрена реализует свой материнский потенциал и находит свое призвание. Григорий признается автору-повествователю, что его «приподняло, да и шлепнуло» и никакого «геройства» он так и не совершил – не смог взлететь. Но ему «скучно и *тесно* жить», а «беспокойство в сердце» приведет к тому, что он, возможно, уйдет и станет босяком. По сравнению с жизнью в подвале, его странничество может быть сопоставимо со свободным полетом сильной птицы, если только кабак не поглотит его: «дверь кабака <...> как-то *сладожестко повизгивала*», «внутренность кабака возбуждала представление о какой – то *пасти*, которая <...> медленно *поглощает* одного за другим...» [3, т. 3, с. 277]. Пасть кабака напоминает пасть печи, которая в фольклоре считалась дорогой в мир мертвых. Таким образом, вновь ассоциативно возникает мотив смерти: «здоровые умирают от *тесноты* жизни». Мотиву смерти противопоставлен мотив исхода-полета и мотив странничества. Как видим, в повести расширение пространственных отношений, движение низ – верх связано с мотивом исхода-ухода-полета и с мотивом странничества, что обусловлено пробуждением сознания героев. Однако,

как признается Орлов, его «во все четыре стороны сразу тянет» [Там же]. Но «ненаправленность пространства, – как пишет Ю.Лотман, – эквивалентна бесцельности существования находящегося в нем человека <...> Для того, чтобы стать возвышенным, пространство должно быть не только обширным, но и направленным, находящийся в нем должен двигаться к цели» [6, 656].

Семантическое наполнение сюжетобразующего хронотопа можно представить наглядно следующим образом:

низ	Лиминальная амбивалентная	верх
	холерный барак	
	“котел кипящий”	
яма	(чистилище)	небо
подвал		солнце
двор	→	золотые звезды
каменная стена	окно (возможный выбор	облака
скука	светлой жизни)	небесный воздух
теснота	←	поле
духота	пасть печи, пасть кабака	красный закат
дно	(уход в мир мертвых)	простор

Образы этой мифопоэтической модели можно обнаружить в ряде других произведений Горького.

Так, в повести «Детство» повторами лексемы “тесный” и производных от нее подчеркивается «теснота» пространства окружающего героя. Признак тесноты распространяется на внешний и внутренний мир персонажа, взаимодействует со сквозным повтором в тексте – повтором слов “госка”, “скука”: «скучно, как-то особенно, почти невыносимо; грудь наливалась жидким, теплым *свинцом*, он давит изнутри, распирает грудь, ребра; мне кажется, что я вздуваюсь как *пузырь*, и мне тесно в маленькой комнатке, под грибообразным потолком». Здесь своеобразная синестезическая метафора-оксюморон: тяжелый свинец, от которого вздувается как пузырь. Образ тесноты пространства соотносится в повести со сквозным образом «тесного, душного круга жутких впечатлений, в котором жил – да и по сей день живет – простой русский человек» («Детство»). В пьесе «На дне» те же пространственные образы: яма, подвал без света создают пространственное и непространственное дно. В «Легенде о Данко» писатель использует мифологему света: горящее сердце, победившее мрак и осветившее путь – исход из темноты, из удушающего царства страха к свету, воздуху, простору. В «Песне о Соколе» пространственные отношения строятся по принципу антитезы: «высоко в небе сияло солнце», а внизу, в темном сыром ущелье, «было душно, пахло гнилью», к ним приращиваются дополнительные световые и одористические характеристики. Мотив полета-жажды

света здесь сочетается с мотивом битвы. Та же жажда подвига возникает и у Григория Орлова.

Пространственные отношения в поэме «26 и одна» четко разделены на верх и низ. Здесь тот же сырой подвал, где окна, забитые железом, «упирались в яму», поэтому окна, символизирующие выход в другой мир, в другое пространство не выполняют эту свою функцию, согласно фольклорной традиции: «свет солнца не мог пробиться сквозь стекла, покрытые мучной пылью». Точно так же образ двери, имеющий в русском устном народном творчестве значение границы и выхода в иное пространство, иной мир, здесь опять-таки не может быть актуализирован, так как «порог двери находился выше пола на четыре ступеньки» [3; т. 5, с. 9] и крендельщики смотрели на девушку, заменявшую им солнце, снизу вверх – порог непреодолим. Пространство очерченно и ограничено: «душно и тесно жить в каменной коробке под низким и тяжелым потолком, покрытым копотью и паутиной». Камень, железо, кирпич – образы мертвой природы, окружают героев. В этом неживом пространстве главенствующее место занимает печь – чудовище, с широкой пастью и бесстрастными очами, презрительно смотревшими на людей-рабов. Интересно, что Л.Толстой, придавая значимость печи как образу, подметил: “А печь-то стоит у вас не так” [4; 326], полагая, что пламя освещало крендельщиков иначе. И только песня помогает крендельщикам вырваться из пределов давящего пространства, но «одинокая песня гаснет и глохнет под тяжелым потолком, как огонь костра в степи сырой осенней ночью, когда серое небо висит как свинцовая крыша» [3; т. 5, с. 9] и не разомкнуть пространство тьмы. Лишь когда песню поют все, «громкие давно спевшиеся голоса наполняют мастерскую; песне тесно в ней: она бьется о камень стен, стонет, плачет и оживляет сердце тихой щекочущей болью <...> и будит тоску <...> густая широкая волна звуков представляется ему дорогой куда-то вдаль, освещенной ярким солнцем, – широкой дорогой, и он видит себя идущим по ней...» [Там же]. Перцептуальное пространство расширяется благодаря волне звуков и создается картина, полная света и движения, поющие видят себя идущими по дороге. Подобное слияние света, звука, пластики, движения нами определяется как синестезией.

Художественному слову М. Горького присущ антропоморфизм пейзажей, но этим качеством обладает и интерьер (печь, дверь, самовар, кабак и даже постройки): «самовар тянул писклявую мелодию» («Супруги Орловы»), «море смеялось», «ветер гладил атласную грудь моря» («Мальва»), «море уснуло», «небо все ниже наклоняется над морем» («Песня о Соколе»), «отблеск огня смеялся» («26 и одна»), «звезды, испуганные скукой на земле», «в окно смотрит степь, очарованная молчанием», «солнце медленно сползает с неба на край степи», «железнодорожная станция возбуждала своим одиночеством чувство грусти» («Скуки ради»), «море смеялось» («Сказки об Италии»), «в окно с неба заглядывала любопытно-золотистая луна», «небо смотрело с грустью».

Своеобразное для горьковской идиостиля смешение звуков, запахов, цвета, движения – синестезию – можно обнаружить немало и в ряде других произведений: «Этот звук и блеск солнца, тысячекратно отраженного рябью моря, гармонично сливались в непрерывное движение, полное живой радости» («Мальва»), «в небе еще долго после него тихо играет музыка ярких цветов вечерней зари», «сырая тьма, пропитанная запахом плесени и еще чего-то острого, щекотавшего нос» («Скуки ради»), «волны звуков <...> рвут пыльный, знойный воздух» («Челкаш») и т.д. Образно-смысловое наполнение художественного пространства имеет особое значение в авторской картине мира. Это результат его эмоционально-аналитического осмысления окружающей действительности и его преломление в призме творчества, в котором М.Горький показал, по справедливому замечанию Л.Спиридоновой, «две ипостаси души русского народа»: бунтаря и странника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галеев Б.М.* Максим Горький о синестезии // URL: www.tatar.museum.ru/Gorky-/Gork_Cht_Tez.html#top
2. См.: *Геннеп А.* Обряды перехода. – М.: Восточная литература РАН, 1999.
3. *Горький М.* ПСС: В 25 т. - М.: Наука, 1969-1972. Т.3, С. 219-278, 343-395; Т. 5. С. 7-23.
4. *Горький М.* О литературе. Литературно-критические статьи. - М.: «Советский писатель», 1953.
5. *Иванова Е.В.* Мифотворчество XX-ого века: К проблеме определения нового культурного героя / Вестник Оренбургского госуниверситета, 2005, № 7. С. 110-114 // URL: www.elibrary.ru/item.asp?id=11664302
6. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман. О русской литературе. Статьи и исследования. – СПб., 2005. С. 621-658.
7. *Спиридонова Л.А.* Горьковедение на рубеже эпох // URL: www.tatar.museum.ru-/Gorky/Gork_Cht_Tez.html#top
8. См.: *Тернер В.* Символ и ритуал – М.: Наука, 1983.
9. См.: *Топорков А.Л.* Словарь Дом Сварога // URL: www.pagan.ru
10. См.: *Фрейденоберг О.М.* Миф и литература древности. - М., 1978. С. 563.

Մինեստեզիան եվ առասպելակերտումը որպես Մ. Գորկու իդիաստիլի հատկանիշներ Մ. Ռ. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ ԻՎ. Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Մ. Գորկու որոշ ավանդական միֆոլոգեմաների և արխետիպերի յուրահատուկ կիրառումը: Հեղինակը հայտարարում է «Օրլով ամուսիններ» վիպակի պոմե կազմող միֆոպոետիկ մոդելը, որի տարրերը կարելի է նաև գտնել գրողի այլ ստեղծագործություններում: Հետազոտվում են գրողին բնորոշ իդիաստիլի յուրահատկությունները՝ պեյզաժների անտրոպոմորֆիզմը և սինեստեզիան, որն յուրովի է նկարագրում պերսոնաժի աշխարհընկալումը ու էմոցիոնալ վիճակը:

Բանալի բառեր՝ միֆոպոետիկ մոդել, միֆոլոգեմա, սինեստեզիա, անտրոպոմորֆիզմ:

Synesthesia and Mythmaking as the features of M.Gorky's creative method**M.R. GRIGORYAN****ASPU**

The features of M.Gorky's usage of some traditional myths and archetypes are studied in this article. The plot forming mythopoetical model of “The Orlovs Couple” is detected. The elements of this story are found in his other works. The features of the writer's creative manner are also examined – the anthropomorphism of landscapes and synesthesia.

Key words: *mythopoetical model, mythologema, synesthesia, anthropomorphism.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 18 февраля 2016 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

ЛИНГВОПОЭТИКА

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ

А.В. ГАЛСТЯН
АГПУ им. Х. Абовяна

Художественная документалистика – верное и адекватное отражение реальности, событий и лиц прошлого, и их взаимоотношений. Некоторые виды мемуаров в лингвистической литературе называются лингвистической персонологией. Одной из существенных особенностей жанра является наличие словесных моделей. Парафразы и крылатые слова активно используются в текстах. Некоторые авторы дают дополнительные объяснения смысла слова, что придает данному жанру практическое словарное значение. В письмах и дневниках царит интимный стиль открытого признания.

Ключевые слова: художественная документалистика, письмо-эссе, автор, лингвистическая персонология, структура, словарную модель, концепт, словарное значение, фольклорный жанр, парафраза.

В научной литературе метажанр¹ художественной документалистики часто называют мемуарной литературой, которая включает в себя мемуары, путевые заметки и дневники. В художественной документалистике Восточной Армении XX века жанр эссе также быстро развивался².

Художественная документалистика – особый и отдельный жанр, лингвистические исследования которого представляют значительный интерес.

Если в художественном произведении автор сам заранее строит ход событий, то мемуарист в своем повествовании основывается на памятных фактах и стремится к документальности. Главное, к чему стремится автор, это правильное и адекватное отражение прошлых реалий, событий и лиц, их взаимоотношения, что может также быть представлено в художественном облики.

При написании мемуаров Ваграм Алазан руководствовался существенным принципом: быть искренним и правдивым, совсем не «украшать» людей, которые являются объектом воспоминаний, а писать правду [1, 4].

Хотя автор документалистики не создает образа в художественном смысле, он воссоздает мемориальные портреты, которые являются непосредственными носителями различных явлений, важных реалий. Но если писатель-эстет свободен в выборе персонажей, то есть при необходимости он может включать героев в свое произведение, создавая отдельные реалистические образы, то автор художественной документалистики не

свободен в этом выборе. Он имеет возможность изображать только портреты людей, связанных с ним. В.Г. Белинский отмечал важную особенность, что автор не создает идею, а пишет лица и людей, с которыми пришлось волею случая встретиться, и должен быть виден «во всех <...> суждениях <...> характер и действительность» [3, 154].

Следует подчеркнуть, что автор художественной документалистики может в конечном итоге иметь подчинённое положение. Об этом свидетельствует, например, следующая мысль С.Зоряна: «Абсолютная объективность невозможна в мемуарах, и субъективный подход, несомненно, занимает значительное место» [5, 7]. В этом случае автор воспринимает модель через свое собственное восприятие. В конце концов, художественная документалистика не представляет жизнь с фотографической точностью. А.Ширванзаде отмечает, что «не существует и не может быть произведений, представляющих фотографически точные картины» [9, 228]. Среди направлений современной лингвистики изучение психолингвистических основ текстов художественной документалистики имеет первостепенное значение, поскольку лингвистически-художественная реализация человеческой личности находится в средоточии исследований.

В лингвистической литературе некоторые виды предложенной проблемы (мемуары и автобиографическая проза) иногда называются лингвистической персонологией [7, 112]. Здесь автор рассматривается как персонаж, созданный сочетанием социальных и индивидуальных черт, который может выступать по собственной инициативе в созданном произведении.

Лингвистически выразительная модель текста мемуаров обусловлена образом автора, видимым в зеркале предложенного текста. Образ автора связывает языковые средства текста с художественной системой. Этот образ является той внутренней осью текстов художественной документалистики, вокруг которой строится стилистическая и лингвистическая система текста.

Иногда персонаж художественной документалистики может не оказаться на переднем плане, а быть спрятанным в глубине текстовой структуры и стиля. Предоставляя значительное место биографическим элементам, автор мемуаров сам определяет форму языкового выражения, нюансы и основные черты произведения.

Одной из существенных особенностей художественной документалистики является наличие словесных моделей. В начале большинства мемуаров есть выражения «первый (последний) раз, когда я видел .../услышал ... или встретился», «узнал, познакомился, знакомство началось ... или случилось», «встретил или встретились...».

Одной из основных проблем современной когнитивной лингвистики является реализация типологических концепций. Концепт является структурной единицей мысли, встроенной в языковую область изучаемых мемуаров. В.Карасик рассматривает концепты человека с точки зрения языковой культуры внутри определенной социальной группы. Они, по существу, и становятся характерными для поведения и системы ценностей человека [6,

36]. Одним из важных компонентов концепта является познавательная память слова, семантическая характеристика этого языкового знака, которая связана с коренным значением слова и системой духовных ценностей носителей языка. В этом отношении детство, воспоминание, память, путешествия, встреча с пространственной областью концептов примечательны в воспоминаниях и путевых заметках.

Обозревая изучаемый жанр во всей полноте, мы замечаем и другие его особенности формы и структуры. Чтобы стилизовать, представить более полным и эффективным рассказ в разных жанрах, слово часто дополняют мыслями великих людей и разных литературных героев. Так, например, ради стилизации речи мемуарист В.Папаян часто цитирует слова шекспировских героев: «Предрасветная мгла только началась...», свет боролся со тьмой, «как говорит леди Макбет» [8, 131]. «Вселенная в человеке, – сказал Шекспир» [8, 293] и т.д.

Художественная документалистика представляет собой хранилище парфраз и крылатых выражений. Например: страна (земля) прав и свобод – Франция, язык Гюго – французский, королева мира – Рим, три великих сверстника XX века – Уильям Сароян, Виктор Амбарцумян, Вазген I, орел Арцаха – Монте Мелконян. Крылатые выражения: пересечь Рубикон – сделать решающий, безвозвратный шаг, гомеровский стиль – легендарное повествование, святая святых – выражение из Библии, означающее самое священное, будь то завет, наследие, идея, место, создание и т.д.

Мемуарное повествование может включать как события прошлого по сравнению с настоящим моментом, а также предвосхищать и представлять события, которые имеют значение будущих происшествий. Иногда окончание мемуарного повествования подсказывает читателю, что мы еще встретимся с этим героем в более поздних произведениях. Это обстоятельство подразумевает вставку в мемуарное повествование более позднего события (такой анахронизм называется пролепсисом). Используя пролепсис, рассказчик пропускает события данного момента, а иногда в форме уведомления подготавливает читателя к предстоящим событиям. Отметим, что рассказчик не упоминает события заранее, чтобы пропустить некоторые эпизоды. Пролепсис определяется как выражение нетерпения или ностальгического ожидания. Предполагается, что рассказчик, заранее зная окончание, выдает предстоящие события, тем самым нарушая хронологические границы мемуаров: «Это случилось ... Но будьте терпеливы, читатель, об этом потом» [8, 46].

Как отмечает Л.Гинзбург, в мемуарах также четко видны психологические открытия, которые впоследствии могут стать основой для формирования психологической прозы. В данном случае литературовед подчеркивает межджанровые фазовые отношения [4, 76].

Французский теоретик Жан-Мари Шеффер решительно выступает за неопределённость жанра художественной документалистики и неопределённости её границ и оставляет за собой право время от времени нарушать

эти границы. Это в действительности означает, что жанровые границы могут быть относительными, а формы жанрового проявления – многообразными [10, 192]. Он отмечает, что мемуарное повествование отличается богатством внутрижанрового разнообразия. Таким образом, структурные модели дневников могут быть эффективно использованы в мемуарах.

В повествованиях художественной документалистики авторы часто дают толкование того или иного слова, дополнительные объяснения смысла слова, словарные толкования. Это явление – одно из существенных структурных особенностей художественной документалистики. Можно подчеркнуть, что предлагаемый жанр приобретает словарную практическую ценность. Таким образом, лингвист Артем Саргсян в мемуарах «Тысяча и еще один день ...» иногда приводит/толкует словообразовательные модели слов, давая их диалектные эквиваленты.

Фольклорные жанры – сказания, песни, молитвы – придают лингвистической среде нюансы художественной документалистики (особенно в путевых заметках), представляя реальные и кажущиеся истории, делая повествование более интересным. В этом случае художественная документалистика совмещает использование литературных и лингвистических средств в той степени, в которой стиль представляет собой разницу между средством общения (языком) и его применением (словом) [2, 19]. Стиль мемуаров – это, по сути, манера письма, выражение творческой личности мемуариста, своеобразная форма его художественного мышления, склад ума.

Уникальными философскими советами являются письма-эссе Г.Гурзаяна с уникальным стилистическим подходом, посвященные той или другой области науки и искусства. В письмах, адресованных сыну, автор вновь переживает и вспоминает звездные часы человечества, вечные ценности красоты и совершенства, представляя их в лингвистически богатых моделях. Такой способ повествования в письмах для достижения большей выразительности является принятым и распространенным приемом в европейской литературе.

Со структурной и лингвистической точки зрения составление дневников является уникальным жанром. Дневники по теме похожи на мемуары, но отличаются по размеру и характеру: это путевые заметки, фронтовые, военные воспоминания, религиозные записи и др. В отличие от так называемых «традиционных жанров», составление дневников менее популярно в армянской литературе. Но, тем не менее, большой интерес к этому жанру объясняется тем фактом, что дневники часто считаются чистосердечными, искренними и спонтанными творениями, поскольку дневник – это запись повседневной жизни человека.

Таким образом, воспоминания как литературный жанр отражают портреты, впечатления и знаковые страницы из жизни и творческой деятельности писателя. Дневники в данном аспекте являются теми личными воспоминаниями, которые касаются определенных периодов времени. В содержании писем, как и в дневниковых записях, царит открытость суждений, обнажа-

ется причина переписки, интимный стиль и исповедальность, искреннее излияние эмоций и открытость. Как признавался в своих дневниках И.С. Тургенев, «вся моя биография в моих сочинениях». И это откровение классика как история пережитого опыта жизни можно отнести к семантическому строю языка и стилю художественной документалистики в целом, что, по сути, является ценным материалом для самоанализа и самопознания.

Примечания

¹ Термин мета (греч. meta – после, через) означает определенное структурное целое, которое может служить основой для описания других структур, таких как метаязык, метатекст, метатеория и т.д. В англоязычной терминологии этого жанра используется *non fiction* как общий термин для мемуаров и дневников.

² Название жанра эссе появилось, когда французский писатель-философ Мишель де Монтень опубликовал в 1580 году свою работу и назвал её «Эссе» («Попытки»), над которой работал около двадцати лет. Некоторые эксперты описывают эссе, как «историю в своем стиле», а некоторые называют ее «необычной прозой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алазан В. Воспоминания. Ереван, 1967 (на арм. яз.).
2. Амбарцумян В. Основы языкознания. Ереван, 2019 (на арм. яз.).
3. Белинский В.Г. ПСС: В 13 т. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.
5. Зорян С. Книга воспоминаний. Ереван, 1991(на арм. яз.).
6. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник науч. трудов Моск. гос. лингв. ун-та. М., 1996. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М.: МГЛУ, 1996.
8. Папазян В. Обратный взгляд. Том 1. Ереван, 1979 (на арм. яз.).
9. Раффи в воспоминаниях современников. Ереван, 1986 (на арм. яз.).
10. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? / Пер. с франц. Зенкина С.Н. М.: Едиториал УРСС, 2010.

ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՎԱՎԵՐԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ. ԼԵԶՈՒ ԵՎ ՈՃ

Ա.Վ. ԳԱԼՍՅԱՆ

Խ. Արսլանի անվ. ՀՊՄՀ

Գեղարվեստական վավերագրությունը անցյալի իրականության, դեպքերի և դեմքերի, նրանց ունեցած փոփոխարարությունների ճշմարիտ և համարժեք արտացոլումն է: Լեզվաբանական գրականության մեջ հուշագրության որոշ տեսակների անվանում են лингвистическая персонология: Ժանրի էական առանձնահատկություններից մեկը խոսքային կադապարների առկայությունն է: Բնագրերում ակտիվ գործածվում են շրջասույթները և թևավոր խոսքերը: Որոշ հեղինակներ տալիս են բառիմաստի հավելյալ

բացատրություններ, որով առաջադիր ժանրն ունենում է բառարանային գործարանական արժեք: Նամակներում և օրագրերում իշխում են բաց խոստովանությունը, մտերմիկ ոճը:

Բանալի բառեր՝ գեղարվեստական վավերագրություն, նամակ-էսսե, հեղինակ, лингвистическая персоналогия, կառուցվածք, խոսքային կաղապար, կոնցեպտ, բառարանային արժեք, բանահյուսական ժանրատեսակ, շրջանույթ:

ARTISTIC DOCUMENTARY WRITINGS: LANGUAGE AND STYLE

A.V. GALSTYAN

ASPU after Kh. Abovyan

Artistic documentary writings are a true and adequate reflection of reality, events and persons of the past, and their reciprocal relations. In linguistic literature some types of memoirs are called linguistic personology. One of the essential features of the genre is the presence of verbal models. Paraphrases and winged words are actively used in texts. Some authors provide additional explanations of the meaning of the word, which gives this genre the value of a practical dictionary. The letters and diaries have an intimate style of frank confession.

Key words: artistic documentary writings, letter-essay, author, linguistic personology, structure, vocabulary model, concept, dictionary meaning, folklore genre, paraphrase.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 18 октября 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ ЗАИМСТВОВАННЫХ КОЛОРОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. ПРИОРОВА

Российский Новый университет (РосНОУ, Москва)
Сямэньский университет (Китай, Сямынь)

В статье предлагается материал по теме цветообозначения в русском языке для продвинутого уровня обучающихся русскому языку как иностранному. На примере заимствованных несклоняемых колоронимов рассматриваются их полисемантические и полифункциональные свойства как номинативных и грамматических единиц.

Ключевые слова: *концентрический принцип, колоронимы, формально-грамматический подход, классификатор, номинативные функции, нефлексивная морфология.*

Для изучения темы «Цвет» в курсе РКИ мы предлагаем дополнительный материал. Тема эта, как правило, не представляет никакой сложности для иностранных студентов, но с точки зрения концентрического принципа, углубление знаний о предмете изучения происходит поступательно, поэтому изучение русских наименований цветов, может быть двунаправленным. С одной стороны, усваивается лексико-грамматическая неоднородность цветообозначений русского языка, а с другой, – расширяется представление о цветовой палитре русской картины мира. Палитра эта состоит не только из русских цветообозначений, но и дополняется заимствованными колоронимами, к тому же еще и полисемантическими. Работа с несклоняемыми колоронимами может охватывать несколько направлений: 1) пополнение лексического корпуса; 2) систематизация грамматических признаков несклоняемых заимствований; 3) функции и значения полисемантических колоронимов.

С точки зрения формально-грамматического подхода, возникает вопрос о частеречной принадлежности заимствованных цветообозначений типа *бордо, беж, хаки, маренго, мосока, индиго*. Стоит обратить внимание обучающихся на то, что эти цветообозначения называют различные смешанные цвета с оттенками, для которых не существует семантических аналогов в русском языке. Данные заимствованные цветообозначения по законам русской грамматики могут относиться либо к существительным, либо к прилагательным, поэтому в первую очередь необходимо верно определять частеречную принадлежность «омонимов-колоронимов» [3: 151]. Самый простой способ определить часть речи – по функции этих слов, поскольку в

системе русского языка все «отклонения от склонения» компенсируются функциями. Функции *деклонационных цветообозначений* [3: 39–44] становятся приоритетными для их грамматической характеристики.

Если рассматривать мир цвета «как чисто психический феномен», а цвет как порождение нашего глаза и мозга, то его сущность лежит в природе световых волн. Феноменология цветного мира структурируется и отражается в языке так, что проявляется не только на уровне психических процессов узнавания цвета и запоминания слов, обозначающих цвет. «В коммуникативной среде номинативная функция цветообозначений *насыщается* таким образом, что может обозначать либо денотат, либо его признак» [2: 26–30].

С одной стороны, сходство данных слов с существительными определяется по их синтаксической роли подлежащего и дополнения при наличии определения (ароматное *бордо* пьянило, купили приятный на ощупь *беж*). Однако усиление их атрибутивной составляющей, как правило, рассматривается преимущественно при обозначении названия цвета, если в роли классификатора употребляется родовая термин слов *беж, хаки, бордо* – слово *цвет* (ср. цвет *бордо* и шляпа *бордо*).

Поскольку цвет есть свойство тела вызывать определённые зрительные ощущения, которые очень часто воспринимаются носителями языка как отражательное свойство предмета, заменяющее сам предмет, то представления о предметном происхождении цвета идут ещё с античности и выводятся путём «телесного аналогизирования» [1]. Предметное происхождение цвета подтверждается и современной теорией его восприятия. Начиная расчленять зрительное поле, в первую очередь, из него выделяются не отдельные цвета, а отдельные предметы или явления объективного мира как реакция отдельных нервных окончаний.

В смешанной иноязычной аудитории вряд ли стоит сравнивать обрусевшие слова *бордо, беж, хаки, электрик, терракот, сомон, фрез* и прочие колоронимы со словами того языка, из которого они заимствованы. Однако следует обратить внимание на то, что в них нет прямого семантического соответствия, поскольку в иностранном слове, как правило, нет значения названия цвета. Лучше всего показать на примерах, как в сочетаниях *цвет бордо* и *туфли беж* меняются лексико-грамматические свойства колоронимов в зависимости от типа сочетаемости. Важно, чтобы студенты усвоили простую закономерность: если в словосочетании *сумка бордо* колороним *бордо* означает название определённого цвета и является грамматическим атрибутом к слову *сумка*, то в сочетании *цвет бордо* слово *бордо* не обозначает качество слова *цвет*. Чтобы систематизировать полифункциональные признаки *беж, бордо, хаки, электрик* и др., необходим грамматический принцип, который устраняет частеречную омонимию через функцию в синтагме, т.е. линейно. Это отдельный большой вопрос, но приступить к нему лучше после упорядочения номинативных функций колоронимов.

Рамки статьи минимизируют материал, поэтому приходится остановиться лишь на некоторых словах с высокой частотностью употребления (*бордо, беж,*

маренго), которые из сугубо лингвистической плоскости попадают в плоскость культурно-исторического анализа с существенными дополнениями.

«Слово **бордо** (фр. *bordeaux*) используется в России с 1891 г. в качестве определения цвета, через 10 лет от него образовано прилагательное "бордовый" (сначала как диалектное и в форме "бардовый" или "бурдовый"), которое с 1935 года фиксируется словарями в нынешнем виде. Примерно до середины XX в. правильным в русском языке считалось выражение "*цвет бордо*" (как *шамау, беж, маренго, индиго*), но сегодня более распространено – "бордовый цвет", а слово *бордо* используется в следующих значениях.

1. **Бордо** (город) – город во Франции:

В той комнате незначаящая встреча:

*Французик из **Бордо**, надсаживая грудь,*

Собрал вокруг себя род веча... (А. Грибоедов, «Горе от ума»)

и

- Бордо** – винодельческий регион Франции:

*В **Бордо** ли, Токио – всё то же:*

Матросов бронзовые рожки

И в переулочке притон. (В. Набоков «Разговор») [4:199]

2. **Бордо** (бутылка) – тип винной бутылки: *Под нею оказалась приготовленная закуска: ветчина, телятина... и длинная **бутылка бордо**...* (Ф. Достоевский, «Бесы») и **Бордо** – цвет вина: *«Обедая в столовой отеля... рассеянно ел жидкий суп с кореньями, пил красное **бордо** и ждал ... (И. Бунин, «Темные аллеи»).*

3. **Бордо** (фр. *Football Club des Girondins de Bordeaux*) – футбольный клуб из города Бордо: *Футболисты "**Бордо**" атаковали решительней итальянцев, чем обеспечили себе шанс на выход в финал («Вести недели»).*

4. **Бордо** – сорт столовой свёклы соответствующего цвета: *Салат был исключительного вкуса: **бордо** перебивала сельдерей, но чернослив, как и в любом свёкольном салате, был очень кстати («Лиза»).*

5. **Бордо** – цвет: *Меня очень занимало, как ловко взрослые изменяют цвета материй: берут жёлтую, мочат её в чёрной воде, и материя делается густо-синей – «кубовой»; полощут серое в рыжей воде, и оно становится красноватым – «**бордо**». Просто, а – непонятно (М. Горький, «Детство»).*

Слово *беж* (французское *beige*) заимствовано в XX веке и первоначально означало цвет неотбелённой шерсти и тип тонкой шерстяной ткани: *Шейный платок, сорочка – мятый **беж**, белоснежный пиджак... уже не белоснежный, уже в крапинку. Сегодня беж имеет значение цвета (светло-коричневый, с кремовым оттенком) и типа лёгкой шерстяной ткани из смеси крашеной и некрашеной мериносовой шерсти: У меня было платье **беж** из креп-марокена; Дядечка в новом, но нелепом костюме цвета радикальный **беж** бросался на ступеньки, ведущие на сцену с полиэкраном, как Матросов на амбразуру. Следует обратить внимание, что в предложенных контекстах меняется атрибутивная функция колоронима, здесь нужна*

семантическая конкретизация, почему *платье беж* и *радикальный беж* не могут уравниваться по номинативной функции. *Бежевое платье* – это собственно значение цвета *беж*, а вот *радикальный беж* – образует оксюморон, т.к. с психологической точки зрения цвет *беж* в русском языке символизирует консерватизм.

Иная символика этого колоронима, метафорическая, появляется в названии стихотворения Л.Филатова «*Апельсины цвета беж*». Метафоричные оттенки цвета *беж* выражены в русифицированном варианте: 1) *балтийский пляж – беловато-бежевый*; 2) *пустыня – жёлто-бежевый*; 3) *французская мода – изысканный бежевый*. Есть ещё один оттенок *беж* – *цвет луковой шелухи*, и именно он идентифицирует этот цвет с русским восприятием: *В деревнях до сих пор красят листьями берёзы (зеленовато-жёлтый цвет), шелухой лука (беж), цветками календулы или ноготков (оранжевый)...*

Слово *маренго* обозначает цвет *маренго*, т.е. «чёрный с серым отливом», и в русских лексикографических источниках представлено очень скупо. Чтобы определить его полифункциональные свойства, должны учитываться многие позиции:

1) Битва при *Маренго* (1800 г.) в Северной Италии: *Не забыли битву при Маренго и Ватерлоо* (Б.Рохлин, «Праздник фонарей»); 2) *Маренго* – департамент Первой Французской Империи в Северной Италии в начале XIX-го столетия; 3) *Маренго* – название города, расположенного в США, штат Иллинойс: «*Гостиницы Маренго – отдых в Австралии. Отель Motel Marengo как вариант пожить в городе Маренго*»; 4) *Цыпленок Маренго* – блюдо, по слухам, съеденное Наполеоном до битвы при *Маренго*. Название этого блюда связывают с победой, которую Наполеон одержал при *Маренго*: *Суп из свежих шампиньонов, цыпленок Маренго, спаржа* (А.Кучерена, «Бал беззакония. Диагноз адвоката»). *Маренго* в значении мясного блюда – телятина *Маренго*, т.е. блюдо, изобретённое в походных условиях поваром императора, им же было усовершенствовано; 5) *Маренго* – кличка лошади Наполеона; 6) *Маренго* – географические объекты (Индиана: участок пещеры *Маренго*; Алабама: округ *Маренго*); 7) *Маренго* – сорт пирожного; 8) *Маренго* – вино: "*Маренго*" вермут – это итальянские традиции, символ сладкой жизни; 9) *Маренго* – монета; 10) *Маренго* – агентство недвижимости в г. Череповец: *Маренго – Ваш агент по недвижимости. Агентство недвижимости Маренго обладает десятилетним опытом работы в сфере череповецкой недвижимости*; 11) *Маренго* – виды автомобильных марок: *Маренго* обозначает четыре вида автомобильных марок, каждый из которых индивидуален и неповторим: «*Marengo Bianco Dry*»; «*Marengo Bianco Original*»; «*Marengo Bianco Classic*»; «*Marengo Rosso Classic*»; 12) *Маренго* (цвет) – один из оттенков серого (чёрный с серым отливом) или синего цвета. Иногда обозначает также цвет "тёмной морской волны": *В жаркий день на нём был его приличный костюм цвета маренго, дважды побывавший в чистке...* (Г. Владимов, «Не обращайтесь вниманья, маэстро»). *Маренго* в значении "серо-чёрный цвет" (цвет мокрого

асфальта), заимствованное из итальянского языка в XIX в., первоначально означало "ткань чёрного цвета с белыми нитями". Значение "чёрный цвет с серым отливом" является переносным для русского языка, поскольку итальянское слово *маренго* происходит от названия северо-итальянской деревни *Маренго*, где впервые начала производиться ткань подобного оттенка.

Из представленного перечня номинаций, обучающимся достаточно усвоить, что *маренго* обозначает цвет ткани: сукно чёрного или тёмно-коричневого цвета с белыми прожилками или же качество меланжевой шерстяной ткани, которая может быть использована для пальто и костюмов, т.е. слово *маренго* обозначает ткань чёрного цвета с белыми нитями: *Или разве можно было сравнить бурую кофту разудалого битника с безликим костюмчиком джерси цвета маренго?* (Е.Парнов, «Третий глаз Шивы»), но нередко так называют и сам цвет, т.е. тёмное волокно с небольшими добавками белого; *...пальто цвета маренго, по поводу которого одна весьма заинтересованная студентка сказала, что оно «ужасное»* (В.Аграновский, «Вторая древнейшая. Беседы о журналистике»); *Но одет он был с прежней безукоризненной элегантностью: такой же, как тогда, замечательный чёрный костюм, струящаяся ослепительно-белая сорочка и только галстук не фиолетово-красный, а маренго с бордовым* (А.Курчаткин, «Счастье Вениамина Л.»).

Сегодня слово *маренго* сохраняет цветовое значение только в системе русского языка, а в мировой практике оно давно обозначает не сам цвет, а наименование серий красок, которые продаются торговыми фирмами. Таким образом, обозначилась ещё одна номинативная функция:

13) *Маренго* – название марки красок: *Серия «Маренго» достаточно редко поступает на прилавки салонов. Предложение не удовлетворяет спрос* (канал «Культура»). Интересен тот факт, что тема *маренго* представлена в живописи очень известными картинами: *Сражение при Маренго*, 14 июня 1800 г. (Л.Лежон); *Битва при Маренго*, 14 июня 1800 г. (В.Адам); *Изображение битвы при Маренго*, 14 июня 1800 г. (Неизвестный автор); *Картина на фарфоре Битва при Маренго* (Ж.-Ф. Свебах).

Представленный материал можно использовать для продвинутого уровня: цель каждого занятия по РКИ – расширять представление обучающихся о предмете изучения. Традиционный анализ русского цветообозначения может быть дополнен новыми представлениями о заимствованных колоронимах как полифункциональных и полисемантических словах, которые влияют на укрепление "нефлективной морфологии" в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А.Ф.* Философия имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 262 с.
2. *Приорова И.В.* Несклоняемые имена в языке и речи: учеб. пос. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 88 с.
3. *Приорова И.В.* Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. – 257 с.

4. Приорова И.В. Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имён)//Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. – Астр.: АГУ, 2011. – 449 с.

**ՌՈՒՍԱՅ ԼԵԶՎԻ ՓՈԽԱՌՎԱԾ ԳՈՒՆԱՆՈՒՆԵՐԻ ԲԱԶՄԱԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹ ԲԱՌԵՐԸ
և ԲԱԶՄԻՄԱՍՏՈՒԹՅՈՒՆԸ**

Ի.Վ. ՊՐԻՈՐՈՎԱ

Ռուսաստանի նոր համալսարան (RosNOU, Մոսկվա)

Սյամինի համալսարան (Չինաստան, Սյամին)

Հոդվածում հետազոտվում է գունային նշանակումների թեման: Օգտագործված փոփոխված և ոչ պարզ իմաստ ունեցող բառերի օրինակով դիտարկվում են բազմամշակութային և բազմագործառույթ բառերի հատկանիշները՝ որպես անվանական և քերականական միավորներ: Առաջարկվում են նյութեր ռուսերենի որպես օտար լեզվի ուսուցման համար:

Բանալի բառեր. կենտրոնացման սկզբունք, գունային տարբերակներ, ֆորմալ քերականական մոտեցում, դասակարգիչ, անվանական գործառույթ, ոչթեքական ձևաբանություն:

Multifunctionality and polysemantics of borrowed coloronyms in Russian

I. V. PRIOROVA

New Russian University (ROS NOU),

Xiamen University (Siamen, China)

The article offers material on the topic of color designations in Russian for an advanced level of students, learning Russian language as a foreign language. The polysemantic and multifunctional properties as nominative and grammatical units are considered on the example of borrowed nondeclining coloronyms.

Key words: *concentric principle, coloronyms, formal grammatical approach, classifier, nominative functions, nonselective morphology.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 апреля 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПОЭТИКА ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»

Е.К. ПЕТРИВНЯЯ,
Е.Г. ИЮЛЬСКАЯ

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, РФ

В настоящем исследовании представлен литературоведческий анализ повести А.С. Пушкина «Метель» на уроках литературы. В статье приоритетное значение уделяется интегральной поэтике как способу научной интерпретации художественных произведений, научная специфика которого заключается в синтезировании в единую сложную модель всех компонентов поэтики и методов, исследующих законы внутренней связи и соотношения различных уровней художественного целого [2: 134]. Исследовательское прочтение пушкинской повести позволяет рассмотреть идейно-тематический комплекс, жанровый, композиционный уровни произведения, систему образов, художественные средства изображения. Литературоведческий анализ текстов русской литературы помогает учащимся овладеть литературоведческой терминологией, развить навыки профессионально-ориентированной научной речи.

Ключевые слова: интегральная поэтика, реалистическое начало повести А.С. Пушкина, полемика с принципами романтического мировоззрения, символика образа метели, новеллистичность повествования, социально-бытовой и нравственно-философский уровни повествования, особенности духовного мира героев, диалектика мироздания и человеческого поведения.

Интегральная поэтика как способ научной интерпретации художественных произведений позволяет рассмотреть текст повести А.С. Пушкина как максимально упорядоченное единство, выявить богатство связей между его частями и понять глубокое общезначимое, нравственное и мировоззренческое содержание произведения русской классической литературы, имеющее непреходящую эстетическую ценность.

Время и история создания «Повестей И.П. Белкина»

Повесть «Метель» входит в цикл произведений «Повести И.П. Белкина», которые были написаны болдинской осенью 1830 года. Время, проведенное Пушкиным в имении Болдино Нижегородской губернии было прославлено творениями поэта, созданными за три месяца. Эта творческая пора связана с подготовкой к долгожданной женитьбе на Наталье Гончаровой.

На одном из московских балов А.С. Пушкин встретил Н.Н. Гончарову, полюбил ее и сделал предложение выйти за него замуж. Отец Сергей Львович

выделил сыну-жениху часть старинных земель, и Александр Сергеевич должен был вступить во владение собственным имением. Перед отъездом в Болдино мать Н.Н. Гончаровой устроила нелепую ссору, желая расторгнуть помолвку. Пушкин с горечью признается: *«Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь... Ах, что за проклятая штука счастье!»* [6: 110].

Невесте поэт пишет в письме:

«Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если Ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а Вы решили повиноваться ей, - я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить.... Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам, или никогда не женюсь» [6: 109].

В конце августа 1830 года Пушкин выехал из Москвы в село Болдино. Грусть, тоска, неясность, неопределенность терзают душу поэта. Вскоре он получил от невесты письмо, в котором она сообщала, что любит его и согласна выйти за него замуж. Радостное известие, возрождение душевного спокойствия способствовали обретению творческого вдохновения. Поэт сам был поражен «невероятным урожаем» болдинской осени.

1830 год. Болдино. Название периода – <i>Болдинская осень</i>	«Повести И. П. Белкина»	«Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»
---	----------------------------	--

Проблема художественного метода в повестях. Романтическое, сентиментальное и реалистическое начало. Пародирование традиционных тем и конфликтов.

Цикл «Повести И.П. Белкина» положил начало развитию реалистического направления русской прозы. В повести «Метель» переосмысляются традиции сентиментализма и романтизма, пародируются уже ставшие типичными шаблоны сентиментально-романтической литературы. В.Е. Хализев и С.В. Шешунова отмечают, что персонажи повести «пытаются возвыситься до романтических героев, действуя в соответствии с литературными схемами» [8: 12]. Переход от сентиментализма и романтизма к реализму Пушкин наглядно демонстрирует, иронически изображая романтические поведенческие и речевые штампы: «предмет, избранный ею», «пылал равною страстию», «клялися друг другу в вечной любви», «воля жестоких родителей». В повести представлена эволюция любви: от «книжной» романтической страсти Маши и Владимира к истинному глубокому чувству Марьи Гавриловны и Бурмина. Перипетии в судьбе героев включены в круговорот исторических событий, имеющих важное значение для русского народа, – Отечественная война 1812 года. Романтическому представлению о фатальном предопределении судьбы человека

Пушкин противопоставляет мудрое восприятие жизни. Автор размышляет о сложности человеческого характера. «Человек именно по бесконечности своих возможностей остается тайной не только для других, но и для самого себя» [4: 131]. В повести появляется глубокое философское осмысление диалектики взаимоотношений мира и человека, когда правильный выбор и благородное поведение героев, для которых делом чести становится верность слову, приводят к счастливой развязке событий.

	Сентиментализм	Романтизм	Реализм
Время	вторая половина XVIII в.	конец XVIII – первая половина XIX в.	1830-1890 –е гг.
Идейная основа	протест против испорченности высшего сословия.	реакция на рационализм классицизма. Разочарование в идеях Просвещения.	Принципиальный разрыв с романтической традицией. Критика социальных противоречий действительности.
Основа эстетики	открытие ценности мира природы	провозглашение творческой активности писателя и его права на преобразование реальности.	-глубинное постижение жизни; -достоверность изображения действительности с присущими ей противоречиями.
Черты	- культ чувства - культ природы -элегические и пасторальные настроения -идеализация патриархального быта -утверждение богатства духовного мира человека третьего сословия	-противопоставление мечты и действительности -открытие ценности частного человека -поэтизация духовных связей -конфликт человека и общества	-широкий охват действительности -правдивое изображение типичных характеров -интерес к социальной тематике -историческая точка зрения на мир

Жанровая основа повести «Метель». Новеллистичность повествования. Элементы социально-бытовой и любовной повестей.

Повесть «Метель» считается «идеальной новеллой», события в ней переплетены невероятно искусно и тонко, что является отличительной чертой удивительного пушкинского стиля. Ведущими признаками этой литературной формы оказываются динамичное сюжетное повествование, неожиданная для читателя концовка, небольшой объем. Вместе с тем в произведении обнаруживаются и черты других жанров. Для семейно-бытовой повести, берущей начало в древнерусской литературе, характерно обращение к изображению внутрисемейных отношений, описанию жизни отдельной семьи. В повести подобные элементы проявляются в рассказе о жизни в Ненарадове. Причем это говорящее название имения связано с представлением о жизни в родительском доме как счастливом идиллическом времени. Восприятие дома как рая,

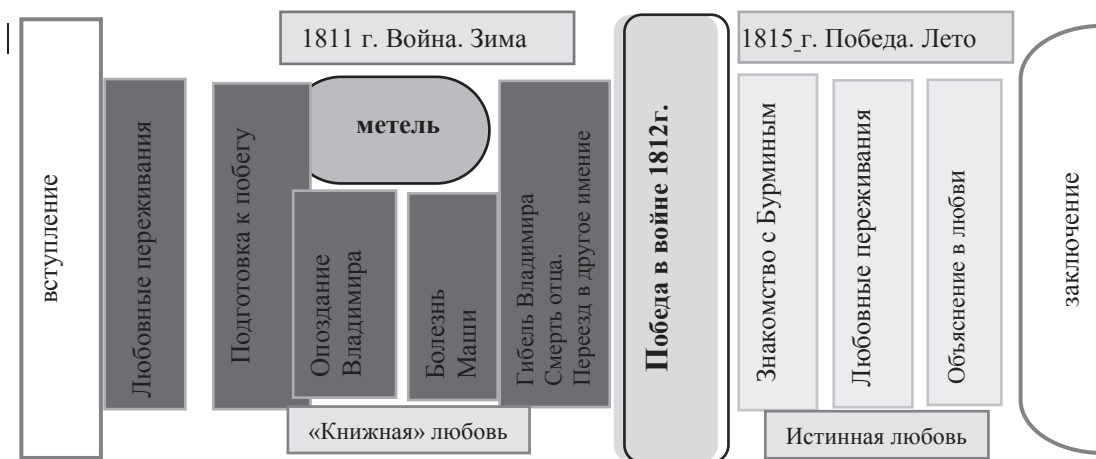
утраченного и вновь обретенного, возводит сюжет к знаменитой евангельской притче о блудном сыне.

Элементы любовной повести, разработанной в творчестве сентименталистов, также присутствуют в произведении, они проявляются в описательности, использовании таких приемов как портрет, пейзаж, изображении внутреннего мира героя. В основе сюжета чаще всего лежит любовный треугольник.

Повесть	средний по объему текста или сюжета эпический жанр	любовная, семейно-бытовая, сатирическая, историческая, фантастическая, романтическая, сентиментальная и т.д.
Новелла	малый прозаический эпический жанр, отличающийся острым, часто парадоксальным сюжетом, композиционной четкостью, отсутствием описательности	

Сюжетно-композиционные особенности повести А.П. Пушкина «Метель»

Композиция произведения представляет собой законченную совершенную структуру. Она состоит из трех частей. Во вступлении читатель знакомится с семьей доброго помещика Р, главной героиней – Марьей Гавриловной.

Основная часть состоит из нескольких блоков. Первый повествует о любовных переживаниях Владимира и Маши, неудачном побеге из родительского дома, отъезде Владимира в армию, его смерти. Второй рассказывает о событиях после победы в Отечественной войне 1812 года, встрече Марьи Гавриловны и Бурмина, неожиданном объяснении и счастливом соединении влюбленных.

В первой части смешиваются самые разные искания, представления, противоречия эпохи. Это и бурный период наполеоновских войн, и хаотичные представления о жизни молодых людей, почерпнутые из иллюзорного мира

романных историй, и реальная зимняя русская погода, с метелями и вьюгами, резко сменяющимися тишиной и умиротворением.

К этому смирению и покою герои приходят во второй части. Тишина в русской истории всегда связывалась с состоянием после войны, т.е. с миром. Марья Гавриловна и Бурмин соглашаются с судьбой, примираются с новым положением и за это получают неожиданный подарок – встречу и истинную любовь. Объяснение происходит в «романное» время: летом, у пруда, под ивами, делая тем самым несбыточные мечты реальными.

Поэтика названия повести «Метель».

Название повести «Метель» глубоко символично. Метель – стихийная сила природы, неожиданно вторгающаяся в жизнь героев, изменяющая их судьбу. С одной стороны, — это воплощенный хаос, синоним блуждания, потери жизненной дороги, с другой, — закономерная совокупность случайностей, ведущих к благополучной развязке событий.

Метель	картина зимней непогоды, сильный вихрь, стихийная сила природы.
Метель	иррациональное психологическое состояние человека, стихийная сила чувств, безудержная страсть двух юных любовников.
Метель	воплощение Судьбы, которая изменяет жизнь героев
Метель	с одной стороны, – воплощенный хаос, синоним блуждания, потери жизненной дороги, с другой, – закономерная совокупность случайностей, ведущих к благополучной развязке событий.
Метель	исторический круговорот событий – Отечественная война 1812 года.
Метель	имеет глубокий личный смысл, как автопортрет пушкинской души болдинской осени 1830 года.

С помощью метели создается особое пространство и время, которое отличается от реального; в нем герои не имеют возможности рассуждать рационально (или же эти попытки бессмысленны). Хронотоп метели ограничен и обособлен, здесь властвует Случай, человек не может управлять своей судьбой, все поступки совершаются недуманно, стихийно, но решения, принятые в этом пространстве и времени, навсегда меняют судьбы героев. Бурмин так рассказывает об этом дне:

«...непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. <...> я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю» [5: 85].

Одновременно, метель — символическое выражение иррационального психологического состояния человека, что соответствуют эмоциональным переживаниям человека: страх, который приводит Марию в беспомощность; беспечность, из-за которой Владимир выехал в церковь позже, чем собирался, и необъяснимая поспешность с которой Бурмин женится на незнакомой девушке. Все это могло вполне привести к путанице и неразберихе, без вмешательства Метели. Марья Гавриловна и Бурмин не могут поверить, что самой судьбой предназначены друг для друга. «Случайное разъединение и случайное объединение объясняется игрой стихии. Метель, символизируя стихию, прихотливо и капризно разрушает счастье одних влюбленных и столь же прихотливо и капризно соединяет других. Стихия по своему произволу рождает порядок» [1: 413].

Своеобразие системы образов в повести «Метель». Образ Марьи Гавриловны: особенности духовного мира. Владимир и Бурмин как воплощение двух моделей судьбы героини.

В основе системы образов лежит любовный треугольник. Персонажи противопоставлены друг другу по нескольким направлениям: временное — конец 1811года (предвоенное время) и 1815 (победный год), природное(сезонное) — зима/лето, истинность/ложность чувств.

События в повести начинаются в конце 1811 года, незадолго до начала Отечественной войны 1812 года и заканчиваются победоносным возвращением из заграничного похода русской армии в 1815 году. Внешняя романтическая характеристика героев, их действия находятся в противоречии с описанием их внутренней сущности, психологически достоверным

изображением внутреннего

мира, что свидетельствует о создании реально-исторических образов.

Образы героев повести А.С. Пушкина отличаются глубиной и продуманностью. Центральный персонаж произведения — Марья Гавриловна. В начале автор рисует протрет романтической героини: «стройная, бледная и семнадцатилетняя девица». Повествователь иронически подчеркивает, что «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и, следственно, была влюблена» [5: 77]. Ирония, использование романтических штампов вызваны прежде всего искусственностью чувств и поведения героев. Средством создания образов в повести становятся: прямая авторская и косвенная характеристики, показ героя в действии, изображение внутреннего мира человека, мотив сна, речь.

Достигнуть совершенства и гармоничной завершенности в создании художественного персонажа помогает принцип многослойного построения образа.

Первый уровень — внешний образ, книжная роль возлюбленных из сентиментальной повести, которую навязывают себе герои. Решение о тайном венчании Владимира Николаевича и Марьи Гавриловны становится завязкой событий и помогает глубже раскрыть внутренний мир героини. Персонажи строят отношение к жизни и моделируют поведенческие ситуации, ориентируясь на книжные схемы. «В «Метели» книжная любовь Маши и Владимира оказывается принадлежностью традиции, а не голосом сердца. И поэтому природа (метель), время, реальные чувства разрушают предрассудки и открывают возможности для истинных чувств» [4: 131]. Однако жизнь не подчиняется схемам, живет совсем по иным законам.

Образы-детали, неразрывно связанные с событиями, поступками, настроениями, стремлениями и расчетами героев, ярче проявляются на следующем уровне. Например, Марья Гавриловна долго колебалась, отвергала множество планов побега, накануне дня тайного венчания укладывала вещи, писала письма подруге и родителям, в письме к отцу и матери она просила прощения за свой поступок. Вечером, ужиная с родителями, втайне прощалась с ними и со всеми окружающими предметами. Несмотря на «печальное предзнаменование», метель, она покинула родительский дом. Внешнее описание деталей тесно связано с внутренними движениями души. Автор достоверно описывает психологическое состояние героини: испытывала головную боль, сильно билось сердце, дрожал голос, разразилась слезами.

Третий уровень — описание мотивов поведения героев. Важную роль в раскрытии образа главной героини играет мотив сна. Традиция введения в сюжет этого мотива восходит к глубокой древности. Античные и библейские авторы изображают, как во сне к героям приходят боги, чтобы сообщить будущее, побудить героев к определенным действиям. В романтических произведениях мотив сна традиционно используется, чтобы изобразить воображаемый мир, недостижимый в обыденной действительности.

В повести «Метель» мотив сна необходим для подготовки персонажа к предстоящим событиям, он помогает раскрыть внутренний мир героини, разгадать тайные пружины ее психики. «...В самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца...; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться...» [5: 78]. Не случайно, во сне Марьи Гавриловны появляются ее отец и Владимир. Сон героини бессознательно отображает разрушение традиций свадебного обряда, когда отец должен вручить невесту жениху, тот древний ритуал изначально символизировавший переход девушки из рода отца в род мужа. Нарушение свадебных обрядов приводило к тому, что свадьба и венчание считались не действительными, а семейная жизнь молодых была обречена на несчастье. Темное подземелье, в которое отец бросает Машу, воспринимается как символ

ее нравственного падения, поскольку венчание без благословения родителей, разрушает законность их брака. Таким образом, мотив сна наиболее полно раскрывает муки совести героини. Вместе с тем столь тяжелые переживания, долгая подготовка к побегу (отвергла несколько планов) свидетельствуют о нежелании героини расставаться с родителями. При анализе образа Марьи Гавриловны нужно учитывать те семейные традиции, и тот непосредственный жизненный опыт, который она получила в родительском доме. Она жила в Ненарадове, любящие родители души не чаяли в дочери. Отец – радушный хозяин, мать – гостеприимная хозяйка. Как бы Марья Гавриловна ни хотела построить жизнь по другим законам, у нее перед глазами был только опыт счастливой родительской семьи, поэтому неосознанно она должна была выбирать тот путь, который бы привел ее к счастью. Неслучайно, после неудавшегося побега она тяжело заболела. Болезнь – это время переоценки ценностей, возможности выбора верного решения («две недели находилась у края гроба»). Однако скоро «барышня стала выздоравливать» – произошло не только физическое исцеление, но эмоционально-психологическое. Это подтверждается и внешними изменениями: получение наследства, переезд из Ненарадова в другое имение, появляется роль девушки, скорбящей о погибшем воине. У Марьи Гавриловны хватило нравственных и физических сил после болезни, жить дальше, не жаловаться на несчастную судьбу, несмотря на безнадежность положения тайной жены случайного встречного. В отличие от Владимира, Марья Гавриловна нашла в себе силы смириться с реальными обстоятельствами жизни, понять иллюзорность своих романтических надежд. Ей хватило мужества и достоинства сохранить верность клятве, которую она произнесла в церкви во время венчания с незнакомым мужчиной, ставшим по роковой случайности ее мужем. Она молча хранит свою тайну, отвергает предложения о замужестве от многочисленных поклонников. Именно верность слову, способность нести ответственность за свои поступки, следование духовным законам жизни привели ее к обретению настоящей истинной любви, душевной гармонии с человеком, столь схожим с ней по нравственным качествам.

Для создания образов Пушкин использует поэтику имени. Мария в переводе с греч. означает «горечь, печаль». Действительно, главной героине приходится жить со страшной мучительной тайной, оплакивая погибшего возлюбленного. Несмотря на утраты, тяжелую, печальную судьбу, Марье Гавриловне удастся найти счастье, преодолеть горечь потерь и жить дальше. Владимир – древнее славянское имя, означающее «владеющий миром». Сильный, великий человек не справляется с неожиданным поворотом судьбы, не находит в себе сил жить дальше, призывает смерть. У Пушкина это имя чаще получают героини-романтики, люди, противопоставляющие себя миру. (Задание 3)

Владимир в повести предстает перед читателем в образе романтического мечтателя: «пылал равною страстию», «они клялись друг другу в вечной любви», «в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно». Можно определить модель, по которой строит отношения с миром герой повести. Прежде всего выделяется традиционное для романтиков трагическое мироощущение, оно основано на запретах, стремлении и одновременно невоз-

можности устроить личное счастье. Не случайно, согласившиеся на брак после болезни Маши родители, получают такое странное «полусумасшедшее» письмо.

Искренность чувств Владимира не вызывает сомнений. Пушкин изображает внутренние переживания человека через внешние проявления: «начинал сильно беспокоиться», «с ужасом увидел, что ... заехал в незнакомый лес», «отчаяние овладело им», «слезы брызнули из глаз его», «схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти», «не имел духа отвечать на вопросы», «не говорил уже ни слова» и в завершении метельного происшествия – риторическое восклицание повествователя: «Какое известие ожидало его!». Автор дает возможность читателю догадаться, какие чувства испытывает герой.

Судьба Владимира Николаевича обусловлена его романтическим мироощущением: Метель, разбушевавшаяся природная стихия, мешает найти дорогу к храму, непредсказуемое появление в церкви Бурмина, досадная невнимательность свидетелей, священника, горничной, обморочное состояние Марьи Гавриловны разрушают мечты о счастливом браке с возлюбленной. Владимир в метельную ночь чувствует себя как «приговоренный к смерти», после неожиданного удара судьбы, считает себя обманутым, оскорбленным, пишет «полусумасшедшее письмо», которое завершает словами: «смерть остается единою надеждою», словно пророчески определяя трагическую развязку событий своей жизни — героическую смерть на войне. «В судьбе героя роковым образом сплелись индивидуальный романтический порыв, безжалостный разгул стихии и поступь национальной истории. Отечественная война 1812 год дала возможность прапорщику красиво, героически уйти со сцены» [7: 16].

А между тем, жизнь могла бы открыть Владимиру светлые перспективы: стать героем Отечественной войны 1812 года, с победой вернуться домой, добиться высокого положения в обществе, полюбить, создать семью и снова обрести счастье. Но метельное происшествие вызвало горькое чувство обиды за несправедливое оскорбление, которое закружилось метелью негативных эмоций в душе героя и заняло все жизненное пространство. Он даже не пытается проститься с невестой, которую так страстно любил. Жизнь разрушает написанный Владимиром сценарий, а он вместо того, чтобы изменить этот сценарий в безрассудном отчаянии отвергает жизнь.

Самый притягательный и загадочный образ повести – Бурмин. Имени его автор не раскрывает, однако в фамилии сохраняется связь со словом «буря». Человек, призванный самой судьбой (метелью, бурей). Его появление и исчезновение в жизни Марьи Гавриловны совершенно не предсказуемы, как в случае венчания, так и во время знакомства в новом имении. Почему именно Бурмину выпадает роль случайного жениха? В его импульсивной выходке, неожиданной для него самого, сказалось своеволие легкомысленного человека, не пожелавшего задуматься о чужих чувствах и судьбах. «В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции». Однако после этого события Бурмин испытывает чувство вины, сокрушается о своей «непростительной ветрености», преступной ветрености. Он горячо и искренне

полюбил Марию Гавриловну, но понимает, что необдуманном поступком, злой шуткой сам разрушил надежды на счастье. («...мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но – я несчастнейшее создание... я женат!» [5: 85]). Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно ветреность, легкомыслие и беспечность «ужасного повесы» отвечали замыслу судьбы и предопределили эффектный и счастливый романтический исход. Дело в том, что Бурмин благородно и мужественно хранит верность «неизвестной невесте», с которой он повенчался, верность клятве, которую он произнес в церкви перед Богом.

Особую роль в произведении играет природа, символизирующая высшие законы мироздания, она руководит судьбой героев. Прежде всего природа препятствует соединению судеб Маши и Владимира, она все время встает на пути влюбленных («наступила зима и прекратила их свидания»). Когда Маша покидала родной дом, «ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу», Владимир не сумел найти знакомую дорогу к церкви («сделалась такая метель, что он ничего не взвидел»). Метель закончилась только тогда, когда в церкви уже завершилось венчание («Погода утихла, тучи расходились, пред ним (Владимиром) лежала равнина»). Самым прихотливым и причудливым образом природа соединяет жизни Марьи Гавриловны и Бурмина. Последний вообще не собирался выезжать в непогоду, хотя и очень спешил («смотритель и ямщики советовали мне переждать»); беспокойство, непонятное волнение овладело им настолько, что он не мог ждать и «поехал в самую бурю». Путь Бурмина был непредсказуемо верен, что-то (или кто-то?) направляло его, сам выбор пути казался герою нелогичным – «ямщику вздумалось ехать рекою». Река – символ жизни, верного пути, важного решения. Двигаясь по реке, они добрались до церкви. Пушкин использует и поэтику света. Ведь Бурмин едет на огонь, на свет от свечей в храме, где ждали жениха.

Владимир же, затерявшись в полях, ищет дорогу, но все больше плутает в оврагах. Поле – символ пустого пространства, власти стихии, бури, демонов. В этом хаосе, вихре Владимир должен был найти нужное направление, и он сделал свой выбор – «в стороне стало что-то чернеть». Это «темная» дорога, этот путь был определен его трагическим мироощущением. Он «нашел дорогу и въехал во мрак деревьев». Поэтому узнав о том, что произошло в церкви, Владимир срочно уезжает в армию, где ищет и находит смерть.

Заключение как таковое в повести отсутствует. Финал понятен, и автору нет необходимости рассказывать о свадебных приготовлениях. Герои нашли счастье, а это главное завершение любой истории.

	Владимир	Марья Гавриловна	Бурмин
отношение к миру	иррациональное. Романтическая любовь сменяется обидой за несправедливое оскорбление.	переход от иррационального начала (любовь–страсть) к принятию духовных законов жизни, исполнению нравст-	переход от иррационального начала к принятию духовных законов жизни, исполнению нравственного долга.

		венного долга.	
любовь	Любовь-страсть («пылал страстью») вопреки воли родителей. Разрушение традиций брака и семьи.	Книжная любовь. Поиск истинной любви. Сначала соглашается на побег и венчание вопреки воли родителей. Потом верность «неизвестному мужу», с которым повенчалась в церкви.	Истинная любовь. Благородно хранит верность «неизвестной невесте», с которой он повенчался, верность клятве, которую он произнес в церкви перед Богом.
Реакция на «метельное событие»	Чувство обиды: за несправедливость судьбы: гнев к обидчику и жалость к себе, пишет «полусумасшедшее письмо».	Болезнь (находилась при смерти). Чувство вины и ответственности за свои поступки.	Муки совести за легкомыслие и ветренность.
Война	На первом месте - индивидуальные чувства. Отправляется в армию оскорбленным, болезненно переживая личную трагедию. Если не счастливая любовь, то смерть Жизнь отвергла его любовь, за это он отрицает жизнь.	Верность памяти Владимира, погибшего на войне. Смирение, принятие судьбы, нравственная победа над собой. Победа русского войска в Отечественной войне — обретение счастья с любимым человеком.	На первом месте — чувство долга, служение общему делу. «Спешит в полк» спасти отечество. Возвращается с победой, георгиевским кавалером.

«Пушкин создал поэтически грациозную классическую новеллу, наполнив ее игривую форму глубоким философским смыслом, он обладал уникальным умением гармонически сочетать развлекательное и серьезное начала, не принося одно в жертву другому, а заставляя их служить друг другу» [7: 25].

Одним из значительных завоеваний пушкинской прозы является реалистическое глубинное постижение жизни, восприятие мира в его сложном, противоречивом, постоянно развивающемся единстве. Раскрытие в обыденных бытовых образах диалектики мироздания и человеческого поведения стало величайшим достижением великого русского гения. В основе справедливого мироздания находятся не эмоции, а разумное следование духовным законам, нравственным истинам. Внутренне состояние героев повести А.С. Пушкина складывается из противоречивого взаимодействия разумного отношения к миру и необузданных страстей: пока преобладает разум, поведение человека направлено на торжество божественной закономерности, когда верх одерживают эмоции, они ведут человека к забвению божественных заповедей. Основу изображения характеров в повести «Метель» составляет не индивидуальное своеобразие персонажей в совокупности его психических свойств, а именно субъективная мотивировка поведения и столь же субъективная ответственность.

В повести Пушкина на первое место выдвигается нравственная проблематика, возникающая перед индивидом, стремление к показу индивидуального героя во всей сложности и объективной противоречивости его поведения. Судьба отдельного простого человека связана с круговоротом исторических событий (Отечественная война 1812 года), с природной стихией (метель), соотносится с национальными, семейными традициями и с вечными божественными законами мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской литературы XIX века / Под ред. В.И. Коровина. М., 2005. Ч. 1.
2. *Июльская Е.Г., Петровна Е.К.* «Интегральная поэтика в системе профессиональной подготовки учителя литературы»// Сборник научных статей по итогам III Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка учителя русского языка и литературы в системе вузовского образования: проблемы и перспективы», Москва, 16 мая 2017 г. / Под ред. Т.Г.Галактионовой, Е.И.Казаковой. РАО, Центр русского языка и славистики, 2017, С. 134-137.
3. *Леонов И.С., Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* История русской литературы XIX века (1800-1830-е годы): Практикум для студентов филологического факультета. М., 2011.
4. *Маранцман В.Г.* Изучение творчества А.С. Пушкина в школе. М., 1999. Ч. 1.
5. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 8. Ч. 1.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 14.
7. *Ребель Г.М.* Целостный анализ повести А.С. Пушкина «Метель» // Научно-методический, культурно-просветительский журнал «Филолог». ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2012, выпуск 18, С. 1-25.
8. *Хализев В.Е., Шеиунова С.В.* Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина». М., 1989.

Ա.Ս. ՊՈՒՇԿԻՆԻ «ՓՈԹՈՐԻԿ» ՎԻՊԱԿԻ ԻՆՏԵՂՐԱԼԱՑԻՆ ՊՈՆԵՏԻԿԱՆ

Ե.Կ. ՊԵՏՐԻՎԼՅԱՅԱ, Ե.Գ. ԻՅՈՒԼՍՎԱՅԱ

Ա.Ս. Պուշկինի անվան ռուսաց լեզվի պետական ինստիտուտ Մոսկվա, ՌԴ

Հոդվածում ներկայացված են Ա.Ս. Պուշկինի «Փոթորիկ» վիպակի գրական վերլուծության ուղեցույցները գրականության դասերի ժամանակ: Հոդվածում գերակշիռ տեղ է տրվում ինտեգրված պոետիկային, որպես գեղարվեստական ստեղծագործությունների գիտական մեկնաբանման միջոց, որը գիտական առանձնահատկությունն է սինթեզում միօրինակ բարդ մոդելի, պոետիկայի բոլոր բաղադրիչների միջև, ինչպես նաև ներդաշնակ և տարբեր գրական օրենքների գեղարվեստական ուսումնասիրման միջոց [2: 134]: Ուսումնասիրական ընթերցումը թույլ է տալիս ներկայացնել վիպակի գաղափարական, թեմատիկ, ժանրային, կոմպոզիցիոն առանձնահատկությունները, կերպարների համակարգը, գեղարվեստական գործիքները և եղանակները: Ռուս գրականության տեքստերի գրականագիտական վերլուծությունը օգնում է ուսուցողներին յուրացնել գրականագիտական տերմինները, զարգացնել մասնագիտական գիտական խոսքի հմտությունները:

Բանալի բառեր. *ինտեգրալային պոետիկա, Ա.Ս. Պուշկինի ռեալիստական սկիզբ, հակասություն, խորհրդանիշ, պատմական վիպակ, փիլիսոփայական պատմական առանձնահատկություն, հերոսների հոգևոր աշխարհ, տիեզերական դիալեկտիկա և մարդկային վարքագիծ:*

INTEGRATED POETICS OF A.S. PUSHKIN'S NOVEL BLIZZARD

E. K. PETRIVNYAYA, E.G. IYULSKAYA

Pushkin State Russian Language institute

Moscow, Russia

The article presents guidelines for literary analysis of A.S. Pushkin's novel *Blizzard* at literature lessons. The paper prioritizes the integrated poetics as a means of scientific interpretation of works of fiction, which scientific specificity lies in the synthesis into a single complex model all the components of poetics and also a means to study the laws of intrinsic relations and correlations of different levels of artistic unity [2: 134]. Exploratory reading of Pushkin's story allows to present the ideological and thematic, genre, compositional levels, system of images and artistic medium. Literary analysis of the texts of Russian literature helps students to advanced stage of learning, to master the literary terminology, to develop skills of professionally oriented scientific speech

Key words: *Integrated poetics, realistic beginning, controversy, symbolism, narrative novellism, welfare, moral and philosophical narrative levels, features of heroes' spiritual world, dialectic of the universe and human behavior.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 4 декабря 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.

СОДРУЖЕСТВО ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ»: ОЖИВШЕЕ ПРОШЛОЕ И ДИАЛОГ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме «Цифровое наследие России: статус, состав, формы и способы государственной охраны: правовой анализ»

Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА,
А. В. КРЮКОВ

Южный филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

На современном этапе научные издания расширяют платформу своих электронных представительств в сети Интернет, облегчая доступ к результатам публикуемых исследований. Это интенсифицирует обмен идеями, повышает уровень интерактивности в разных областях познания, меняет качество взаимодействия синхронных / диахронических составляющих контента, способствует цифровизации культурного наследия прошлого. Авторы статьи обобщают опыт создания и основные аспекты деятельности электронного рецензируемого научного журнала «Наследие веков», выходящего под эгидой Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. Цель статьи – наметить перспективные для международного научного сотрудничества формы, методы и направления развития этого ежеквартального сетевого издания.

Ключевые слова: цифровое наследие, формы и способы государственной охраны авторства информации в Интернете, международная научная коммуникация, электронный научный журнал «Наследие веков».

Эволюция информационно-телекоммуникационных технологий оказывает решительное влияние на развитие современной науки. Подавляющее большинство научных журналов вышло за пределы традиционного «бумажного» формата посредством создания своих электронных представительств в сети Интернет, что многократно облегчает ознакомление ученых с результатами исследований их коллег, интенсифицирует научный диалог и в целом способствует динамичному комплексному развитию всех областей познания. Многие научные журналы изначально возникают как электронные издания, отражая тем самым новейший уровень достижений и обладая всеми необходимыми признаками, позволяющими отнести их к цифровому наследию.

Одним из таких изданий является выходящий в свет под эгидой Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и

природного наследия имени Д. С. Лихачева электронный рецензируемый научный журнал «Наследие веков» основанный в 2015 г.

Его программные установки базируются на понимании того, что глубокая интеграция высоких технологий во все области социальной жизни – от сферы управления государством до материально-бытовой стороны жизни его граждан – неотъемлемый атрибут современности. Интенсивно развивающиеся процессы цифровизации напрямую затрагивают и сферу культуры: многие промежуточные этапы во взаимодействии производителя и потребителя культурного продукта должны быть переведены в цифровой формат. Так, электронные представительства музейных учреждений оснащаются виртуальными экспозициями, крупные библиотеки обладают значительными по объему хранилищами электронных копий изданий, размещаемых в открытом доступе с соблюдением требований, обусловленных защитой интеллектуальных прав.

Вопрос о сохранении цифрового наследия – в широком смысле – имеющих культурную значимость машиночитаемых материалов, отложившихся за период развития компьютерных технологий, встал в конце прошлого столетия на волне прогрессирующего развития компьютерных технологий. Поиск путей решения связанных с этим проблем привел к принятию в 2003 г. под эгидой ЮНЕСКО Хартии о сохранении цифрового наследия, содержащей необходимые определения и перечень самых общих мер, которые необходимо предпринять на государственном уровне для его охраны. Редакция журнала «Наследие веков» намерена отвести место обсуждению соответствующего круга проблем в важнейших его теоретических и практических аспектах.

Журнал как ежеквартальное сетевое издание, постоянно действующая площадка межрегиональной и международной научной коммуникации, позволяющей расширить горизонты современных наук о культуре, проводит в целях улучшения информационного обмена и повышения цитируемости опубликованных статей политику открытого доступа (*Open Access*) к научным публикациям на основе публичных лицензий *Creative Commons*. Журнал реферируется и индексируется в системе РИНЦ, Google Scholar. Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются переводом развернутых резюме на второй язык журнала.

Доступ ко всем выпускам журнала постоянный, свободный и бесплатный. На данный момент это 16 номеров, на страницах которых вниманию научного сообщества представлены работы 174 исследователей из Российской Федерации, стран дальнего и ближнего зарубежья.

Согласно программе издания, каждый номер журнала имеет тематический характер, дополняемый статьями традиционных рубрик. Заглавная рубрика формируется из статей и материалов по теоретическим и прикладным вопросам государственной культурной политики и социокультурной практики, что позволяет держать в объективе актуального рассмотрения наиболее важные аспекты сохранения и использования культурного наследия,

способствует осмыслению ключевых событий, освещению значимых юбилейных дат. Заглавные рубрики наполняются особенно активно (76 статей за 4 года), поскольку темам-доминантам принадлежит центральное место в каждом номере. О содержании и результатах подобных тематических штудий будет более подробно сказано во второй части нашей статьи.

Приглашая коллег-ученых к участию в работе этой действенной площадки обмена научными идеями и опытом их применения, сообщаем, что на предстоящий год в качестве тем заглавной рубрики намечены:

- «*Год Театра*» (2019, № 1);
- «*Неисчерпаемый Пушкин: к 220-летию великого русского поэта*» (2019, № 2);
- «*Молодежные инициативы в современном краеведении*» (2019, № 3);
- «*Охрана природного наследия: история и современность*» (2019, № 4).

Помимо основной рубрики, в каждом из номеров журнала присутствуют материалы по ряду других (традиционных) рубрик, о направленности и наполняемости которых можно судить по следующему краткому обзору.

В рубрике «*Антропология культуры*» отслеживается динамика общественных процессов сквозь призму ценностей, языка, норм, обычаев и практик, специфики культурного развития и внутренней динамики культуры как системы. На данный момент общее количество публикаций более 20, как и в рубрике «*Caucasica*» (генезис и эволюция этнических культур, изучение самобытного культурно-исторического пути народов региона и особенностей формирования единого культурного пространства Юга России).

Примерно по полтора десятков публикаций представлено в рубриках «*На перекрестках культур*» (взаимодействие, межкультурный обмен, сходство и различие структурных элементов культур, теоретические и прикладные аспекты социокультурной динамики), «*Памятники истории и культуры Юга России*» (проблемы сохранения, использования и интерпретации памятников материального и нематериального наследия), в том числе и памятники истории старообрядчества, памятники Гражданской и Великой Отечественной войны и проч.

Большое внимание уделяется музеям Юга России – от крупнейших до станичных – их фондам, инициативам, просветительской деятельности (история музейного дела региона, социальные функции музеев, теория, методика и современные технологии музейно-выставочной деятельности).

Рубрика «*Книжное дело Юга России*» дает картину регионального информационного пространства, отображая процессы создания и распространения произведений печати, динамические аспекты формирования инфраструктуры полиграфии, книжной торговли, библиотечного дела.

«*Биографика*» раскрывает обстоятельства жизни и творчества выдающихся общественных деятелей: ученых, просветителей, краеведов, писателей, мастеров искусства. Опубликованы статьи об ингушском поэте и художнике Али Хашагульгове, актере Георгии Милляре, композиторе Юрии Симакине, ученых и краеведах – Асхаде Шеуджене, Энвере Трахове, Анатолии Красненко и др.

В рубрике «Мемуары, дневники, документы» осуществляется введение в научный оборот архивных материалов и документов личного происхождения (с соответствующими комментариями), помещаются оригинальные статьи, написанные на основе такого рода документов и материалов. Массив материалов двух названных рубрик на данный момент составляет 21 публикация, в том числе «Материалы к истории Кавказской войны в рукописи В. С. Вареника», «В стороне от черного квадрата (Воспоминания о художнике В. Г. Коржевском)», «Фронтовые письма», «Фёдор Гладков: письма на Кубань» и др.

Наполнением рубрики «*Книжное ревью: рецензии и обзоры*» являются отклики на новые книги по истории, культурологии, теории и истории искусства, культурного и природного наследия, социально-культурной антропологии, художественной литературе, литературоведению, фольклористике, теории и истории музейного дела, регионоведению и краеведению. В этой неизменно присутствующей традиционной рубрике с начала издания журнала вышло 25 рецензий, развернутых аннотаций, проблемно-тематических обзоров, посвященных авторским трудам и коллективным сборникам.

Рубрика «*Научная жизнь Юга России*» знакомит с проходящими в регионе мероприятиями и форумами академического и профессионального сообщества по самому широкому кругу проблем социально-гуманитарного познания и практики.

Приглашая коллег присылать свои статьи и материалы, напоминаем, что решение о публикации принимается редакцией электронного научного журнала «Наследие веков» после рецензирования. Учитывается соответствие статьи тематике журнала/специальной теме номера, актуальность проблемы, научная и практическая новизна и значимость, качество подготовки и оформления.

О содержании и оформлении заглавных тематических рубрик скажем особо. Каждая такая рубрика открывается кратким введением в проблему. Авторами введения (до 1918 г.) являлась главный редактор журнала доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева Ирина Ивановна Горлова, а с номера 1 (13) 2018 г. – ответственные редакторы номеров.

Соответствующие комплексы проблем имеют не только виртуальную площадку обсуждения. Помимо издания электронного журнала «Наследие веков», Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева регулярно проводит Круглые столы, конференции по наиболее важной дискуссионной тематике (с публикацией сборников, размещаемых в РИНЦ) [1], а также Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [2]. Это самый значительный научно-организационный проект. Он осуществляется при поддержке Министерства культуры РФ в рамках Стратегии государственной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 648-р). Материалы четырех состоявшихся Форумов опубликованы в сборниках статей. Намеченный на середину октября 2019 г. Форум будет пятым, юбилейным, его

программа находится в стадии подготовки, на данный момент известно, что в круг обсуждения Пятого Международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» среди других войдут вопросы о статусе цифрового электронного культурного наследия; о создании этнических брендов, о взаимодействии национальных литератур и других областей искусства. Участие в этом Форуме представителей научного сообщества Республики Армения умножит линии контактов, поддерживаемые со стороны сотрудников Южного филиала Института Наследия и других краснодарских специалистов участием в регулярно организуемых Ереванским государственным университетом языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова совместно с Республиканским Центром русского языка и культуры международных конференций «Русская и национальные литературы».

Юг России традиционно был территорией активных контактов российской и армянской интеллигенции. Здесь жили и творили М. Шагинян, М. Сарьян и многие другие выдающиеся личности, ставшие достоянием нашей общей культуры.

Сложности непростых эпох отступают перед доброй волей народов, готовых делиться лучшими достижениями в искусстве и науке на путях гуманитарного прогресса.

Мы высоко ценим возможность взаимодействия на всех площадках, качественно наполняющих содержание культурного настоящего и будущего народов Юга России и Кавказа. Коллектив Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева приглашает ученых Республики Армения активно участвовать в комплексе проводимых им научных мероприятий и размещать свои статьи в научном журнале «Наследие веков».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крюков А.В.* Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2016. № 1.С. 121-124. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf (Дата обращения 10.01.2019)
2. *Коваленко Т.В.* Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 149-153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (Дата обращения 10.01.2019).

**«Դարերի ժառանգություն» էլեկտրոնային ակադեմիական հանդեսը.
վերածնված անցյալը և երկխոսությունը թվային տարածքում
Ե.Յու. ՏՐԵՏՅԱԿՈՎԱ,
Ա. Վ. ԿՐՅՈՒԿՈՎ**

**Դ.Ս. Լիխաչովի անվան Մշակութային և բնական ժառանգության Ռուսաստանի
հետազոտական ինստիտուտի հարավային մասնաճյուղ**

Հոդվածը պատրաստվել է Հարավային մասնաճյուղի «Դ. Ս. Լիխաչովի անվան մշակութային և բնական ժառանգության Ռուսաստանի գիտահետազոտական ինստիտուտ»-ի պետական հանձնարարականի շրջանակներում՝ «Ռուսաստանի թվային ժառանգությունը. Կարգավիճակը, կազմը, պետական պաշտպանության ձևերն ու մեթոդները. Իրավական վերլուծություն» թեմայով:

Ներկա փուլում գիտական հրապարակումներն ընդլայնում են ինտերնետում իրենց էլեկտրոնային ներկայացուցչության հարթակը՝ հեշտացնելով հրապարակված հետազոտությունների արդյունքների հասանելիությունը: Դա արագացնում է գաղափարների փոխանակումը տարբեր ոլորտներում, բարձրացնում է փոխգործակցության մակարդակը, փոխում է բովանդակության **համաժամանակյա / տարաժամանակյա** բաղադրիչների փոխգործակցության որակը և նպաստում է անցյալ մշակութային ժառանգության թվայնացմանը: Հռոլվածի հեղինակներն ամփոփում են Դ.Ս. Լիխաչովի անվան Ռուսաստանի մշակութային և բնական ժառանգության Ռուսաստանի գիտական և հետազոտական ինստիտուտի հարավային մասնաճյուղի հովանու ներքո լույս տեսած «Դարերի ժառանգությունը» էլեկտրոնային գիտական հանդեսի ստեղծման փորձը և ամսագրի հիմնական տեսակետները: Հռոլվածի նպատակն է միջազգային գիտական համագործակցության հարցում որոշել այն խոստումնալից ձևերը, մեթոդներն ու ուղղությունները, որոնք խոստանումնալից են այդպիսի եռամսյակային հանդեսների հրապարակման զարգացման գործընթացում:

Բանալի բառեր. *թվային ժառանգություն, համացանցում տեղեկատվության հեղինակի պետական պաշտպանության ձևեր և մեթոդներ, միջազգային գիտական հարորդակցություն, «Դարերի ժառանգություն» էլեկտրոնային գիտական ամսագիր:*

HERITAGE OF AGES: AN ELECTRONIC ACADEMIC JOURNAL WHERE PAST IS COMING ALIVE THROUGH DIALOG IN THE DIGITAL SPACE

The article was prepared as part of the state assignment for the Southern Branch of the FSBRI “Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev” on the topic “Digital Heritage of Russia: Status, Composition, Forms and Methods of State Protection: Legal Analysis”.

**E. Yu. TRETIAKOVA,
A. V. KRYUKOV**

Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D. S. Likhachev

At the present stage, academic publications are expanding the platform of their electronic representation in the Internet, facilitating access to the results of published studies. This intensifies the exchange of ideas, increases the level of interactivity in different fields of cognition, changes the interaction quality of synchronous / diachronic content components, and contributes to the digitalization of the cultural heritage of the past. The authors of the article summarize the experience of creation and the main aspects of the electronic peer-reviewed academic journal “Heritage of Ages”, published under the auspices of the Southern Branch of Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev. The purpose of the article is to outline the forms, methods and directions for the development of the quarterly network publication; the cooperation which would be promising for international academic community.

Key words: *digital heritage, forms and methods of state protection of authorship of Internet information, international academic communication, electronic academic journal Heritage of Ages.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 июня 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 2 (111) / 2018.

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ИОСИФА (ОВСЕПА) АБГАРОВИЧА ОРБЕЛИ
(К 130-летию со дня рождения)**

**АРУТЮНЯН А.Ж.
ЕГУ**

Статья посвящена обзору жизни и научного пути выдающегося армянского ученого, специалиста по истории древнего мира и средневековья академика И.А. Орбели (1887-1961).

Ключевые слова: И.А. Орбели, братья (династия) Орбели, историография, Армения (древняя, средневековая), эпиграфика, АН СССР, АН Арм. ССР.

Петербург-Петроград-Ленинград стал городом выдающихся ученых – братьев Орбели

Всемирно известный многопрофильный ученый – востоковед, кавказовед, филолог, археолог, историк Иосиф (Овсеп) Абгарович Орбели родился 8 (20) марта 1887 г. в г. Кутаиси, в семье армянского священника Абгара Иосифовича Орбели и Варвары Моисеевны Аргутинской-Долгорукой. Род Орбели, берущий начало с XII в., согласно средневековому армянскому историку Степаносу Орбеляну (XIII в. (год рождения неизвестен) – умер в нач. XIV в., вероятно в 1305 г.), был княжеским домом; Орбели проживали в Армении и Грузии. Об этом армянский средневековой историк сообщает в своей работе «История Сюника» (главным образом в 66-ой главе данной книги)¹.

Дед Иосифа Абраговича И.И. Орбели окончил Лазаревский институт, был протоиереем; писал труды по истории армянской церкви на древнеармянском языке (грабаре). Отец, Абгар Орбели окончил Санкт-Петербургский университет. Университетское образование имели и братья отца, Давид и Амазасп Орбели, а также старшие братья Иосифа Абгаровича – Рубен (1880-1943 гг.), один из основоположников советской подводной археологии (гидроархеологии), и Левон (1882-1958 гг.), физиолог, акад АН СССР и Арм ССР, герой Социалистического труда, генерал-полковник медицинской службы.

Предок ученых по материнской линии из знаменитого рода Аргутинских-Долгоруких Иосиф Аргутинский был главой армянской епархии в России. В 1800 г. он был избран Католикосом всех армян, стал автором (совместно с Иваном Лазаревым) проекта независимой Армении под покровительством России. Значение вклада семьи Орбели в армяно-русское сотрудничество в области культуры, науки, образования и политики трудно переоценить.

В 1904 г. И.А. Орбели окончил классическую гимназию в Тифлисе и поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Будучи студентом, он в 1906-1907 гг. участвовал в раскопках древнеармянского города – столицы древней Армении Ани под руководством своего учителя, а впоследствии и научного руководителя кандидатской диссертации акад. Н.Я. Марра; раскопки Ани продолжались до 1917 г. С 1909 г. Иосиф Абрагович параллельно занимался исследованием армянских надписей Арцаха (Нагорного Карабаха)².

Когда в 1908 г. завершилось строительство музея Ани, академик Н.Я. Марр доверил руководство музеем и составление его экспозиции именно И.А. Орбели³. В дальнейшем Иосиф Абгарович вел раскопки в районе оз. Ван (1916), а также на территории советской Армении (1929, 1936 гг. и позже). В то же время молодой ученый принимал активное участие в процессе создания нового издания энциклопедии Брокгауза-Эфрона, подбирая материалы об искусстве армянской, грузинской и мусльманской культур.

В 1911 г. после окончания учебы (на историко-филологическом факультете и на факультете восточных языков) по представлению декана В.А. Жуковского Иосиф Абгарович Орбели был оставлен на кафедре армянской и грузинской словесности.

В 1912 г. Иосиф Абгарович был избран членом Русского археологического общества. В 1911-1912 гг. по поручению Санкт-Петербургской академии молодой ученый стал исследовать акцент и народное творчество армян и курдов древнеармянской губернии Мокса, параллельно изучая исторические памятники западноармянских регионов Эрзрума, Баязета, Вана, Ахтамара и Багавана⁴. Вел раскопки в урартском Топрак-Кале и Айкаберде. В 1914 г. после получения степени магистра армянской философии был допущен к чтению лекций по курсу «Чтение и толкование

армянских надписей области Ширак» в качестве приват-доцента Петроградского университета. В 1916 г. И.А. Орбели вместе с Н.Я. Марром на территории древнеармянского, точнее, урартского города Вана обнаружили клинопись урартского царя Сардури II (764-735 гг.).

В 1917 году И.А. Орбели был избран доцентом по кафедре армянской и грузинской словесности Петроградского университета. С 1918 г. стал профессором кафедры истории Переднеазиатского Востока Лазаревского института в Москве.

С 1919 г. преподавал также в Петроградском археологическом институте; был профессором кафедры истории восточного искусства Петроградского университета, членом Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), руководил отделами археологии и искусства Армении и Грузии вышеназванной академии, был учёным секретарем Коллегии по делам музеев. Иосиф Абгарович играл огромную роль в процессе обнаружения и приватизации государством музейных экспонатов. С июля 1919 г. стал профессором Института истории искусств по кафедре мусульманского искусства; в августе того же года был избран учёным секретарём РАИМК. В 1920-1924 гг. был заведующим издательством РАИМК-а и редактором её изданий. С октября 1920 г. ученого назначили хранителем отделения мусульманского средневековья Государственного Эрмитажа. В 1921-1922 гг. он успешно и плодотворно сотрудничал с Яфетическим институтом АН. В 1924 г. Иосифа Абгаровича избрали член-корреспондентом АН СССР, а в 1935 г. – её действительным членом. Одновременно с 1924 г. он был помощником директора Эрмитажа.

В 1925-1929 гг. Иосиф Абгарович заведовал кафедрой армяно-грузинской филологии, а в 1928-1931 гг. заведовал также кафедрой истории материальной культуры Востока Ленинградского университета. В 1933 г. был избран действительным членом Института истории культуры Армении. С 19 июня 1934 г. по 1951 г. был директором Государственного Эрмитажа (после него Эрмитажем руководили всемирно известные историки М.И. Артамонов (1951-1964 гг.) и ученик Орбели Б.Б. Пиотровский (1964-1990 гг.).⁵ В 1936 г. ученый руководил научной экспедицией, которая работала в Дагестане и в Армении: исследовались памятники в армянской деревне Гарни, где сохранился единственный языческий храм на всей территории бывшего СССР, а также памятники в деревнях Птхни, Парпи, памятники Аштарака и Амберда⁶. В 1937 г. Орбели руководил также Институтом истории материальной культуры АН СССР, а с 1938 г. стал председателем Президиума Армянского филиала АН СССР (АрмФАН). С 1940 года ученый стал действительным членом Академии архитектуры СССР.

В годы Великой Отечественной войны, оставаясь в блокадном Ленинграде, И.А. Орбели проводил грандиозную работу по сохранению музейных ценностей. В 1941—1942 гг. руководил охраной и эвакуацией Эрмитажа и ленинградских учреждений АН СССР в Свердловске (ныне Екатеринбург). При этом сам Иосиф Абгарович оставался в осажденном фашистами

Ленинграде и продолжал работу по спасению музейных ценностей. В 1944 г. участвовал в работах Чрезвычайной комиссии по обследованию ленинградских пригородных дворцов с целью установления ущерба, нанесенного немецкими фашистами, и участвовал в работах по восстановлению Зимнего дворца и экспозиций Эрмитажа.

С 1943 г. И.А. Орбели стал действительным членом АН Арм. ССР. С 29 ноября 1943 г. по 16 января 1947 г. был первым президентом АН Арм. ССР. В 1946 г. выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе, обвиняя главных немецких военных преступников. Он был единственным армянином, участвовавшим в этом судебном процессе.

16 января 1947 года Общее собрание АН Арм. ССР освободило его от обязанностей президента по личной просьбе. Однако ученый продолжал участвовать в научной жизни Армении и в 1951 г. был назначен консультантом Гарнийской археологической экспедиции. В 1953—1956 годах работал в Институте языкознания АН СССР.

С 1955 г. И.А. Орбели был деканом Восточного факультета, а с 1956 г. одновременно заведовал кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ЛГУ. В то же время он руководил Ленинградским отделением ИВ АН СССР. Основные исследования ученого посвящены кавказоведению, истории средневековой культуры Ближнего Востока в целом, а также арменоведению. Особую ценность представляют его исследования по сасанидской и сельджукской культурам⁷. И.А. Орбели исследовал спорные вопросы сравнительной хронологии и летоисчисления, до сих пор существующие в мусульманской и христианской культурах⁸. Продолжая в дальнейшем изучение истории и культуры народов Ближнего и Среднего Востока, И.А. Орбели написал книгу об истории и развитии шахмат⁹.

Со студенческих лет, как было отмечено выше, И.А. Орбели участвовал в археологическом изучении средневекового города и столицы Багратидской Армении (885-1045 гг.) г. Ани, а также других исторических памятников. Он составил описание всех найденных в Ани археологических материалов, большая часть которых сейчас утрачена. Цикл работ И.А. Орбели посвящён средневековой армянской культуре и эпиграфике. Его считают основоположником школы армянской эпиграфики, основы которой были заложены его учителем Н.Я. Марром (1864-1934 гг.). После Орбели в этой отрасли исторической науки появилась целая плеяда известных ученых: Г. Овсепян, А. Калантар, С. Бархударян, К. Кафадарян, С. Авакян, Р. Джанполадян (супруга Б.Б. Пиотровского), П. Мурадян, Г. Григорян, А. Периханян, Г. Тирацян и др.¹⁰ Статьи об эпиграфике И.А. Орбели начал публиковать еще с 1914 г. в журнале «Христианский Восток». После им был составлен I том работы «Корпус армянской эпиграфики (Գրվածքի հայ վիճարարություն, Corpus inscriptionum armenicarum)»¹¹.

И.А. Орбели был также диалектологом и собирателем устного народного творчества. Им были составлены диалектные словари армянского и курдского языков. Он обратил свой исследовательский взор на армянский

народный эпос «Давид Сасунский», опубликовав статьи и монографии¹², а также стал редактором как армянского, так и русского изданий (рус. пер. В.Я. Брюсова и М.Л. Лозинского) «Давида Сасунского». Естественным продолжением этого многолетнего труда можно считать публикацию работы «Басни средневековой Армении»¹³.

И.А. Орбели играл важнейшую роль в процессе публикации армянских народных сказок¹⁴. Ученый перевел с древнеармянского (грабара) на русский язык труды армянских историков средневековья Егише, Лазаря Парбеци (V. в.), Товмы (Фома) Арцруни и Анануна (Анонима) (Т. Арцруни – вторая пол. IX - нач. X вв.). К сожалению, последние два перевода пока не опубликованы¹⁵. Неценима педагогическая деятельность И.А. Орбели, создавшего школу советских кавказоведов, для которой характерно сочетание работы в области материальной культуры и филологии. Ученый свободно владел армянским, русским, греческим, латинским, грузинским и турецким языками.

Иосиф Абгарович был не только выдающимся ученым и организатором науки, но и государственным и общественно-политическим деятелем, неоднократно избирался депутатом Ленгорсовета депутатов трудящихся (1928, 1934, 1939. 1947 гг.) и Ереванского городского Совета депутатов трудящихся (1939 г.).

За выдающиеся заслуги в науке и общественной жизни ученый был награжден двумя орденами Ленина (1944 и 1957 гг.), двумя орденами Трудового Красного Знамени (оба в 1945 г. – 10.06.1945; 24.11.1945), медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Золотым орденом «За научные заслуги» (Иран, 1935 г.). В 1935 г. И.А. Орбели стал почетным профессором Тегеранского университета, в 1944 г. – почетным членом Лондонского археологического общества, в 1945 г. – почетным членом АН Ирана.

Память об Иосифе Абгаровиче Орбели и его двух братьях вечна... На доме в Санкт-Петербурге по адресу Дворецкая набережная, 32 в 1963 году была установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме с 1948 по 1961 год жил выдающийся советский востоковед, академик Иосиф Абгарович Орбели» (арх. В. Д. Попов, гранит). Одна из улиц в Санкт-Петербурге носит имя всемирно известных учёных Иосифа Абгаровича и его брата Левона Абгаровича Орбели. На зданиях научных учреждений, где трудился Иосиф Абгарович, установлены несколько мемориальных досок в его честь. Мемориальная доска И. Орбели в Ереване находится на пр. М. Маштоца, 9. В Ереване одна из центральных улиц города названа в честь трех братьев. Улицы имени И.А. Орбели есть также в Кривом Роге, Н. Новгороде и в других городах России.

В 2012 г. о братьях Орбели был снят фильм «Код Орбели». Н. Григорян написал книгу «Научная династия Орбели» (М.: Наука, 2002. – 522 с.). К изучению деятельности И.А. Орбели обратились многие известные ученые. Первым был К.Н. Юзбашян, автор книги «Академик И. А. Орбели» (М.,

1964. 2-е изд. 1986). Следует отметить работы С. Варшавского и Б. Реста «Подвиг Эрмитажа» (СПб., 1995), Мегрелидзе И.В. «И. Орбели» (2-е изд. Тбилиси, 1987), источниковедческий труд «Иосиф Орбели. Сборник документов и материалов» (изд. 2-е., Ереван: Национальный архив Армении, 2013. – 344 с.), статьи, написанные М.О. Лагуновым, Ю.Ю. Пиотровским и др. В честь И.А. Орбели был опубликован сборник «Исследования по истории культуры народов Востока» (М.; Л., 1960).

Академик Иосиф Абгарович Орбели умер 2 февраля 1961 г. и был похоронен в Санкт-Петербурге на Богословском кладбище.

Академик М.Б. Пиотровский называл Иосифа Орбели «образцовым армянско-русским учёным».

Династию Орбели справедливо называют гордостью двух народов – русского и армянского.

Примечания

- ¹ Стефанос Орбелян. История Сюника. Ереван, 1985. Пер. с древнеармянского, введение и комментарии А.А. Абрамяна. С. 301-343.
- ² См.: *Орбели И.А.* Асан Джалал, князь Хаченский. Изд. Императ. Академии, Птг., 1909; *Его же.* Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII и XIII вв.. Птг., 1915; Изданные в Птг. в 1919 г. «Надписи Гандзасара и Аваптука». Ереван, 2016.
- ³ И.А. Орбели написал цикл статей об Ани. См.: Орбели И.А. Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910; *Его же.* Развалины Ани. История. Современное состояние. СПб., 1911 и др. В 2011 г. эти и др. статьи ученого были опубликованы в кн. Անի-Անի-Անի. К 1050-летию провозглашения Ани столицей. Ереван, 2011.
- ⁴ См. *Орбели И.А.* Избранные труды. Т. II. Материалы экспедиции 1911-1912 гг. по этнографии и фольклору Мокса. В 2-х т. Ереван, 2002; *Его же.* Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в.. СПб., 1917; *Его же.* Багаванский храм и его надписи. Птг., 1917; *Его же.* Армянские надписи на камне. Птг., 1917; *Его же.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Птг., 1922; *Его же.* О первоначальной форме купола Ахтамарского храма. Птг., 1923.
- ⁵ Будучи директором Эрмитажа, И. Орбели написал монографию о Георгиевском зале. См.: *Орбели И.А.* Георгиевский зал Зимнего дворца. Л., 1948. Следует отметить, что изучением дворцов он стал заниматься еще в самом начале исследовательской деятельности. См.: *Его же.* Описание Версаля в армянской записи 1683 г.. Л., 1921 (это связано с пребыванием в этот период во Франции одного из первых деятелей армянского национально-освободительного движения Ованеса Тутунчи в годы правления короля – Солнца Людовика XIV), чтобы с его военно-дипломатической помощью освободить Армению от ирано-турецкого ига. Тогда там находились Исраел Ори, который в дальнейшем посвятил свою деятельность вопросу освобождения Армении. О Версале написал член этой делегации Мах(х)теси Мурад (или Шах(х)мурат Багишеци) в работе «История франкского города Версаля». Об высшеперчисленном подробно см.: Варданян В. Ованес Тутунчи – церковный деятель и дипломат (вторая половина XVII в.) // ИФЖ. Ереван, 2011, № 2. С. 188-189.
- ⁶ См.: *Орбели И.А.* Избранные труды в 2-х тт.. Под ред. К.В. Тревер. Т. I. М., 1968. Из истории, культуры и искусства Армении X-XIII вв.. М., 1963; *Его же.* Надписи Мармашена. Птг., 1914; *Его же.* Две строительные надписи князей Камсараканов. Птг., 1915. Следует отметить, что И.А. Орбели одним из первых в историографии

стал исследовать историю армянского княжеского рода Камсараконов, которые сыграли важную роль в жизни страны в IV в. н.э., в годы правления Аршакидской династии в царстве В. Армении.

- ⁷ Сасанидский металл. М., Л., 1935 (совместно с К. В. Тревер); Проблема сельджукского искусства, в сборнике: Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М., Л., 1939; *Его же*. Проблема сельджукского искусства, Ереван, 1978; *Его же*. Sassanian and early islamic metal work. A survey of persian art from prehistoric times to the present, L., N-Y., 1938, P. 716-770.
- ⁸ Орбели И.А. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М., -Л., 1961.
- ⁹ Орбели И.А. Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.
- ¹⁰ Более подр. см.: Григорян Г. Армянская эпиграфика. Ереван, 2000. С. 23 и далее. (на арм. яз.).
- ¹¹ Корпус армянской эпиграфики. Серия, Т. I. Сост. И.А. Орбели. Ереван, 1966 (на арм. яз.). Ныне продолжается издание этой серии; издано 10 томов.
- ¹² Орбели И. Армянский героический эпос («Давид Сасунский»). Ереван, 1956 (на арм. яз.); переработкой и публикацией эпоса занимались и многие другие известные ученые – Г. Срванздтян, М. Абебян, Г. Халатян, А. Исаакян, Е. Чаренц, К. Мелик-Оганджян, К. Ситал и многие другие.
- ¹³ Басни средневековой Армении (Пер. басен Мхитара Гоша, Вардана Айгекци и Оломпиана). М., Л., 1956. Сост. И.А. Орбели. В 1982 г. изд. Наука (г. Москва) опубликовала монографию И. Орбели «Фольклор и быт», которая по содержанию является естественным продолжением высшеназванной книги.
- ¹⁴ Армянские народные сказки. Под ред. И.А. Орбели. Ереван, 1959.
- ¹⁵ О переводе труда Егишэ см. Егишэ. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971. Пер. И.А. Орбели. Подгот. к изд., предисл., и примеч. К.Н. Юзбашяна.

**Հովսեփի (Իոսիֆ) Արգարիի Օրբելու կյանքը և ստեղծագործությունը
(ծննդյան 130-ամյակին)
Հ. Ճ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ
ԵՊՀ**

Հոդվածը նվիրված է հայ նշանավոր հին և միջին դարերի պատմության մասնագետ ակադեմիկոս Հ.Ա. Օրբելիի կյանքին և գիտական գործունեությանը (1887-1961 թթ.).

Բանալի բառեր՝ Հ.Ա. Օրբելի, Օրբելի եղբայրներ (դինաստիա), պատմագրություն, Հայաստան (հին, միջնադարյան), վիճակագրություն, ՄՍՀՄ ԳԱ, ՀՍՄՀ ԳԱ.

**LIFE AND SCIENTIFIC WORKS OF IOSIF (HOVSEP, JOSEP) ORBELI
(to the 130th anniversary of his birth)
H. Zh. HARUTYUNYAN
YSU**

The article is devoted to biography and scientific works of outstanding Armenian historian of the ancient and medieval World Iosif Orbeli (1887-1961).

Key words: I.A. Orbeli, Orbeli brothers (dynasty), historiography, Armenia (ancient, middle ages), epigraphy, AS USSR, AS ASSR.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 2 июля 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 2 (111) / 2018.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РАСШИФРОВЫВАНИЕ АХМАТОВСКОЙ ТАЙНОПИСИ

С.И. КОРМИЛОВ
МГУ имени М.В. Ломоносова

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Монография замечательного специалиста по литературе первой половины XX века Владимира Васильевича Мусатова (1949–2003) вышла посмертно, в 2007 году. В переиздании не сказано, что это издание не первое, лишь на обороте титульного листа *«редакция благодарит О.С. Бердяеву-Мусатову за предоставленные материалы и участие в осуществлении проекта трехтомного издания научных трудов В.В. Мусатова»* (с. 2). Между тем перепечатка литературоведческих работ, да еще в трех томах, — дело очень редкое, а незаконченной книги — уникальное. Но оправданное.

Публикацию предворяют два предисловия, написанные редактором Е.М. Табориской и специалистом по поэзии Серебряного века В.Н. Альфонсовым. Оба уверены в том, что даже незавершенный труд Мусатова достоин внимания читателей, и вместе с тем не ограничиваются похвалами безвременно умершему автору, что тоже свидетельствует о качестве этого научного издания. Научного, но и просто человечески значимого. «Мусатов со страстью и даже с пристрастностью относился к героям своих книг. На стадии окончательной отделки он, безусловно, заботился об объективности своих суждений, о корректности аргументации. Однако на более ранних этапах работы его пристрастность могла брать верх и над объективностью, и над корректностью» (с. 4–5), — читаем в заметке «От редактора». Например, придирки к «Реквиему» (за «семнадцать месяцев» Ахматова маловато простояла в тюремных очередях — «триста часов», поэму знали единицы ее друзей, стало быть, не мог устами поэта кричать «стомиллионный народ») говорят все же «не о небрежности, наивности или литературоведческой некомпетентности» исследователя, а «о его страстной требовательности к любому слову высоко им ценимого автора» (с. 5). У нас почти всегда о мертвых, будь то писатель, будь то ученый, «или хорошо, или ничего». Это, может быть, и нравственно (хотя как сказать), но ненаучно. Во втором, более обстоятельном, предисловии («О последней книге В.В. Мусатова») про монографию сказано: «Какие-то ее идеи, можно

предположить, вызовут полемику, тем более что и сам В.В. Мусатов в отдельных случаях позволяет себе не очень выверенные полемические выпады. Главное в другом. Книга располагает к размышлению — по разным поводам и направлениям» (с. 12). Выделены ее наиболее значимые позитивные идеи, в том числе та мысль, что символизм «не был “преодолен” Ахматовой уже в ранний период» (намек на статью В.М. Жирмунского об акмеистах «Преодолевшие символизм» 1916 года). «Скорее наоборот — символическое наполнение поэтической образности шло у нее по нарастающей. Суть, разумеется, не в «возврате» к символизму как направлению. Суть в определенных свойствах личности Ахматовой, ее тяге к провиденциальному, чувстве таинства бытия и в тайне самой поэзии.

“Эта книга — не биография Анны Андреевны Ахматовой”, — заявляет В.В. Мусатов в самом начале. И — строит свое исследование на основе биографии» (с. 10–11), — как бы поправляет его В.Н. Альфонсов, но объясняет, что ученого «интересуют не только истоки творчества — ему важен результат, тот поэтический миф, который создавала Ахматова из своей жизни. В этом мифе многое остается тайной, и тайна далеко не всегда поддается разгадыванию, а порою и принципиально не нуждается в нем», поскольку поэт «ведет с читателем продуманную “игру” и создает “форму”, которая шире конкретной поэтики, — форму на уровне миропонимания» (с. 11). Так, в ахматовской любовной лирике ученый «прослеживает чрезвычайно значимый мотив невстречи, отсутствия, непарности — «Нечет» («Я любимого нигде не встретила...», «Мне подменили жизнь... Я не в свою, увы, могилу лягу»). И Гость из будущего в «Поэме без героя», по словам В.В. Мусатова, «так и остался “непришедшим”». Религиозный смысл этого мотива заключается в том, что «отсутствие» означает наличие иного масштаба, недостижимой цели, а положение героини трактуется как испытание, кара и вместе с тем как предназначение, избранничество» (с. 12), — заключает истолкователь идей, содержащихся в книге.

Биографический миф как художественный образ, безусловно, существует. Но, по словам Мусатова, «стихи Ахматовой всегда оказываются более точными, чем “факты”» (с. 144). О том же писала в мемуарах близко знавшая Ахматову Э.Г. Герштейн: «Стихотворная форма точнее выражала ее сокровенное сознание, чем проза. Об этом часто говорила она сама, и письменно, и устно» [3: С. 470]. В ее стихах сразу предстала, как выразился В.Я. Брюсов, оценивая первый ахматовский сборник «Вечер», «характерно современная женщина» [1: С. 368]. Она оказалась современницей века вопреки заявлениям большинства советских и многих эмигрантских критиков об устарелости ее поэзии. Автор «Мужества» военных лет вообще проявила себя как более мужественный и стойкий человек, чем практически все ее великие писатели-современники, хоть на чем-нибудь да сломавшиеся. То, для чего Д.Л. Быкову в раздутой (хотя, конечно, интересной) книге о Маяковском понадобился раздел «Невротик» в несколько страниц [2: С. 81–85], Мусатов выразил одной фразой: «Только в искривленном зер-

кале этой эпохи Ахматова с ее железной волей и потрясающем терпением могла восприниматься как автор мало кому сегодня интересных «интимных» стихов, а слабовольный и неврастенично-хрупкий Маяковский — как выразитель небывалой новизны своего времени» (с. 580–581). Вместе с тем ахматовская поэзия не замыкается в рамках какой-то одной эпохи, сколь угодно большой, и определенного пространства. За границу Анна Андреевна выезжала лишь в молодости и перед смертью, почти всю жизнь была невыездной, но, напоминает исследователь, кстати, выпустивший и книгу об О.Э. Мандельштаме, ей «нравилось мандельштамовское определение акмеизма как “тоски по мировой культуре”» (с. 37). Правда, символисты, от которых откололись акмеисты, «тосковали» о том же, но, пережившая всех своих коллег по поэтическому цеху, она сохраняла культурную традицию Серебряного века в целом.

В 10–20-е годы ее стихи часто сопоставляли с прозаическими новеллами и даже романами. Но Мусатов готов спорить с кем угодно. Он акцентирует драматическое начало в этой лирике, поразившей читателей своей необычностью, развивая в противовес прежде всего Б.М. Эйхенбауму некоторые соображения В.В. Виноградова. Что ж, диалогов в коротких стихотворениях до Ахматовой действительно практически не было, и напряженного драматизма, даже трагизма у нее хватало. Тем не менее в главном полемист и те, с кем он спорит, совпадают. Все видят в ахматовских стихах некие межродовые сдвиги. Среди поздних есть цикл «Эпические мотивы», однако никто не говорит, что это эпос как таковой, и Мусатов тоже, а, между прочим, названием его книги служит первая строка именно этого цикла; ее подзаголовок — «Лирика Анны Ахматовой», но самая объемистая глава в ней — подробнейший до сего дня разбор «Поэмы без героя», которую нельзя же считать просто растянутым лирическим стихотворением, напомним хоть подзаголовок ее первой и наиболее важной, стержневой части — «Петербургская повесть», как в «Медном всаднике» Пушкина. Ахматова согласилась с отзывом «одного молодого поэта», сказавшего: «Для меня ваша “Поэма” где-то возле “Двенадцати” Блока» [5: С. 228]. Приведя эту цитату, Мусатов, как бы специально для того, чтобы утвердить свой подзаголовок, относит обоих поэтов только к лирикам: «Оба они — автор “Двенадцати” и автор “Поэмы без героя” — входили в историю русской поэзии как два величайших лирических поэта XX столетия» (с. 502). А ведь Блок считал собрание своей лирики романной трилогией в стихах! И далее Мусатов, вновь обращаясь к Мандельштаму с присущей его творчеству включенностью «личного переживания в ассоциативное (и ахронное) поле “мировой культуры”» (с. 571), по сути, признает недостаточность однозначных родовых определений по отношению к таким поэтам XX века, как Блок, Ахматова или Мандельштам: «Лирика в таком понимании становилась “большой формой”, и поэтому у Мандельштама никогда не было тяготения к жанру поэмы» (там же). Ассоциативность заменяла сюжетность, то есть возникал не то чтобы совсем эпос, но нечто *вместо* эпоса и все же не

просто лирика или драма. В XIX веке межродовое взаимодействие осуществлялось главным образом на основе сложения: к эпическому повествованию добавлялись лирические отступления. У лучших поэтов века XX преобладает родовое взаимопроникновение: словно в результате химической реакции появляется не то и не другое, а третье, совсем иное. Не будучи теоретиком литературы, Мусатов не сделал этого вывода, но его историко-литературные исследования близко к нему подводят.

В.Н. Альфонсов справедливо назвал Блока вторым главным героем представляемой книги (с. 9). Ахматову раздражали слухи об их «романе», она не раз их опровергала и, по-видимому, добилась того, что роль главного поэта Серебряного века в ее духовной и творческой жизни для читателей оказалась приниженной. У Мусатова целая глава из шести (последняя только начата) — это «Сон о Блоке», постоянно появляется он и в других главах. В «Поэме без героя» он предстает как «Демон сам с улыбкой Тамары», персонификация предреволюционного Серебряного века, столь же великого, сколь и кризисного. Не играя собственно сюжетной роли, Блок-Демон становится высоким символом грядущих катастроф. Да, конечно, это не рядовой образ среди многочисленных других, мелькающих в первой части поэмы. Данная трактовка и еще некоторые вполне убедительны. Но все-таки этот призрак мерещился увлекающемуся литературоведу слишком часто, чуть ли не в любых обличьях: и рыбака с закатанными рукавами («Рыбак»), и царевича в поэме «У самого моря», и второго из двух «любowników», из которых первый — бронзовый памятник на площади, то есть Пушкин. Кого, кроме Блока, можно поставить рядом с ним? Как будто Ахматова мужчин только за стихи ценила. Мусатов не отрицает того факта, что больше всего ее любовных стихотворений посвящено Б.В. Анрепу: «Если дружба с Н.В. Недоброво помогла Ахматовой самоутвердиться как поэту, то роман с Б.В. Анрепом дал ей необходимый жизненный материал для продолжения любовного лирического сюжета» (с. 256). Этот офицер и художник-мозаичист стишки пописывал, но лучше бы воздерживался. Недоброво, на свою голову познакомивший друга с Ахматовой, которой тот приглянулся больше, чем он, был более одаренным поэтом, но тоже не ее уровня. А статью, пророчески предсказавшую ей поистине героический путь в поэзии, она, как доказывает Мусатов, по-настоящему оценила гораздо позже, накануне Великой Отечественной войны. То же относится к оценке влияния Ин. Анненского на ее творчество. Мусатов смело опровергал положения, до него казавшиеся аксиомами ахматоведения, ведь они обычно восходят к высказываниям самой Анны Андреевны. А в разные периоды долгой жизни не всё прошедшее осознается одинаково. Конечно, исследователь прав, стараясь разобраться в ахматовском биографическом мифе, хотя, пожалуй, увлекается и тут: думается, как Анненский, так и Недоброво изначально значили для Ахматовой пусть меньше, чем было принято считать, но все-таки побольше, чем получилось у полемиста.

В чем с ним не стоит спорить — это в объяснении ее судьбы после революции. Еще в начале 20-х она была колоссально популярна, но ближе к середине десятилетия, по собственным словам Анны Андреевны, началась травля, выжить при которой казалось невозможным. Это преувеличение. Во-первых, сначала об исчерпанности творчества Ахматовой заговорили культурно близкие ей критики и поэты, недавние единомышленники. Во-вторых, даже «пролетарские» критики относились к ней не хуже, чем ко многим другим: для них ахматовская поэзия была чуждой, но политически не опасной. А вот писать на *нужные, современные*, то есть *революционные*, темы, угождать новой публике для такого человека и поэта было органически невозможно. Ахматова *сама* надолго выпала из литературы.

Почему же в 1939 году Сталин вдруг о ней вспомнил? В.В. Мусатов считает, что он (во всяком случае тогда) понимал, кто чего стоит в поэзии, и предпочитал не уничтожать, а приручать талантливого человека, заставляя его работать на себя, побеждать морально. С Пастернаком это поначалу удалось. Мандельштам за страшные антисталинские стихи в 1934 году был наказан мягко (по мнению Э.Г. Герштейн, он и потом мог бы спастись забвением, как Ахматова, да лез на глаза писательской братии, которой куда спокойнее было избавиться от этого коллеги [З: С. 457, 464, 467]). Но Пастернак ушел в переводы, Мандельштама (по предположению той же Герштейн) вылавливать из колоссального потока осужденных вождю уже было недосуг, он и попытался обработать Ахматову. Она сделала единственную уступку — написала к десятилетию смерти революционного поэта стихотворение «Маяковский в 1913 году». Этого оказалось недостаточно: не про Сталина же. Отсюда все последующие мытарства Ахматовой и особенно Льва Гумилева. Предчувствуя его третий арест в 1949 году, она начала писать официальный цикл «Слава миру» — к 70-летию юбилею Сталина. Ее не арестовали, хотя чекисты этого не раз добивались, Лёву не расстреляли, но и не выпустили. «“Поэтесса-старуха” перестала упрямиться и согласилась работать на власть» (с. 595–596). Она поступила как мать, иначе не спасла бы жизнь сыну. А Сталина победа над несчастной, больной, всесоюзно ошельмованной женщиной не удовлетворила. «В искренность ее намерений, как и в ценность ее новых стихов, вождь вряд ли верил. И был, разумеется, совершенно прав» (с. 596). Только что это тогда за победа?

Е.М. Табориская и В.Н. Альфонсов не во всем солидарны с рекомендуемым автором, вероятно, в подражание ему же. Он не всегда на стороне своей героини, и не только как поэта, в чем-то его не устраивающего, но и тогда, например, когда гордая женщина не захотела простить В.Г. Гаршина, за которого собиралась выйти замуж по возвращении из эвакуации в 1944 году и который не оправдал ее ожиданий; а он «был виноват только в том, что вовремя понял невозможность их жизненного союза» (с. 536). Мусатову больше нравится Ахматова, способная изменяться. Не к одному лишь М.А. Кузмину она, видимо, подобрела в старости. «В отличие от Ахматовой 1922

года, Ахматова 1959 года, пережившая сталинский террор и войну, изменила свое отношение к эмиграции. Она поняла, что для многих ее современников (в том числе и Лурье) отъезд оказался спасением. Так возникла тема радости Мелхолы, спасшей Давида от насильственной смерти» (с. 318). Это в «Библейских стихах». Впрочем, Анна Андреевна с самого начала дифференцировала эмиграцию на тех, кто добровольно «бросил землю / На растерзание врагам», и «изгнанников», прежде всего высланных в 1922 году на «философском пароходе». Этот казался бы очевидный факт практически никто не учитывает, а не один Мусатов, безосновательно относящий к сбежавшему Артуру Лурье (композитору, прототипу царя-музыканта Давида) ахматовское слово «изгнанник» (с. 312). Зато он откровенно и глубоко объясняет, что этому предшествовало и что за этим последовало: «Взаимоотношения с Лурье давали Ахматовой возможность изобразить любовь в аспекте сознательно избранного греха, который ее героиня совершает с «легкостью проклятой», отвергая суд по «земным законам» и признавая над собой только Высшую Инстанцию. Здесь уже намечены важнейшие контуры центральной коллизии “Поэмы без героя”» (с. 314).

Ахматова непомерно преувеличивала роль в своей судьбе посещения ее в 1945 году секретарем английского посольства Исайей Берлином, которого в детстве родители вывезли из России, даже считала свои встречи с ним поводом для развязывания холодной войны. В.В. Мусатов резонно спрашивает: почему кара (постановление ЦК о ленинградских журналах) последовала почти через год, и «какие государственные тайны она могла раскрыть “иностранному шпиону”?» (с. 590). Причиной было ее «нежелание творчески перестраиваться» (там же). Таких убедительных объяснений в книге немало. Но можно в ней встретить и такое, чего автор явно не успел объяснить или даже обдумать. «Биографические прототипы мужской партии в этом сюжете, — писал он о “сюжете” любовной лирики Ахматовой, — выбывали из эпохи по разным причинам: кто был убит, подобно Гумилеву или Герасиму Фейгину; кто задохнулся, подобно Блоку; кто оказался в эмиграции, как Анреп или Лурье» (с. 354). Больше о Г. Фейгине в книге ни слова. Мало кто знает, что Ахматова восхищалась русским патриотизмом этого еврея, пошедшего добровольцем на фронт и погибшего [4: С. 257–262], когда русские офицеры Гумилев и Анреп в войне уже разочаровались. Если еще можно спорить насчет того, является ли блоковская тема у нее собственно любовной, то «фейгинская» (в двух стихотворениях) точно не является.

Есть в книге и другие ошибки, в том числе в цитатах: «белчья распластанная шкурка» (с. 205) вместо «расстеленная» или «*тронул мои колени / Своей недрогнувшей рукой*» (с. 67) вместо «почти недрогнувшей»; критик Д.П. Святополк-Мирский дважды назван Д.С. Святополк-Мирским (с. 244) — он подписывался как Д.С. Мирский, но имея в виду под С. первую часть двойной фамилии, а не отчество; «Георгий Лелевич» (с. 338) был на самом деле Г. Лелевич, точнее, Лабори Гилелевич Калмансон, образо-

вавший свой псевдоним из отчества (что верно отмечено в «Указателе имен» на с. 634), и т. д. К сожалению, во второе издание монографии не перенесен из первого «Указатель произведений А.А. Ахматовой». Устранены опечатки, бывшие в первом издании, но не все. Выпуская такую ценную книгу покойного ученого, редактору не следовало ограничиваться вступительной заметкой «От редактора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 гг.) // Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 362–376.
2. Быков Д. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 2016. 720 с.
3. Герштейн Э. Мемуары. М.: Захаров, 2002. 768 с.
4. Кравцова И. Об одном адресате Анны Ахматовой // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 257–262.
5. Чуковская Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Арт-Флекс, 2001. 688 с.

Ախմատովայի ծածկագիտության գաղտնագրծումը
Ս.Ի. ԿՈՐՄԻԼՈՎ
Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարան

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Deciphering the Akhmatov's Secret Records
S.I. KORMILOV
Lomonosov Moscow State University

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 июня 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 2 (111) / 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лингвистика

А.Б. Абгарян	Из истории некоторых арменизмов в русском языке. Часть II.	3
М.Ю. Оганесян	О дефиниции понятия «термин».....	11

Сопоставительная типология

А.Гарегинян, А.Мхитарян	Развитие многозначности в английском, русском и армянском языках (на примере слов со значением состояния)	22
----------------------------	---	----

Литературоведение

К.И Шарафадина	Жизнеподобие вместо жизненности: русский национальный быт в оценке Е. Замятина.....	29
М.Р. Григорян	Синестезия и мифотворчество как своеобразие идиостиля М.Горького.....	33

Лингвопоэтика

А.В. Галстян	К вопросу о языке и стиле художественной документалистики.....	41
--------------	--	----

Межкультурная коммуникация

И.В. Приорова	Полифункциональность и полисемантичесность заимствованных колоронимов в русском языке.....	47
---------------	--	----

Методика: Теория и практика обучения

Е.К. Петривняя, Е.Г. Июльская	Интегральная поэтика повести А.С. Пушкина «Метель».....	53
----------------------------------	---	----

Содружество гуманитарных наук

Е. Ю. Третьякова, А. В. Крюков	Электронный научный журнал «Наследие веков»: ожившее прошлое и диалог в цифровом пространстве.....	66
А.Ж. Арутюнян	Жизнь и творчество Иосифа (Овсеп) Абгаровича Орбели (к 130-летию со дня рождения).....	72

Критика и библиография

С.И. Кормилов	Расшифровывание ахматовской тайнописи.....	79
---------------	--	----

Публикация номера осуществляется благодаря финансовой поддержке
Университета международных отношений «Анания Ширакаци».